

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

В.А. Малкин

Лев
Николаевич
Толстой

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА

8/1978

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Литература»
№ 8, 1978 г.
Издается ежемесячно с 1967 г.

В. А. Малкин,
доктор филологических наук

ЛЕВ
НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ
(150 лет со дня рождения)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1978

83. ЗР

М18

Малкин В. А.

М18 Лев Николаевич Толстой (150 лет со дня рождения). М., «Знание», 1978.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 8. Издается ежемесячно с 1967 г.).

Брошюра посвящена жизни и творчеству великого русского писателя Л. Н. Толстого, 150 лет со дня рождения которого отмечается в этом году во всем мире.

70202

83.ЗР

8 Р

© Издательство «Знание», 1978 г.

Лев Николаевич Толстой принадлежит к числу величайших писателей, творения которых с течением времени не тускнеют, но, выдержав испытание временем, приобретают в глазах новых поколений еще более несомненный нравственный и эстетический смысл. «Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»*, — писал В. И. Ленин.

Творчество этого гениального писателя сложно и противоречиво. «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»**.

Художественное и идейно-нравственное влияние Толстого получило всемирное признание еще при его жизни. «Толстой — великая русская душа, светоч, воссиявший на земле сто лет назад, — озарил юность моего поколения. В душных сумерках угасавшего столетия он стал для нас путеводной звездой». Эти слова, принадлежащие великому французскому гуманисту Ромену Роллану, сохраняют значение и поныне. В современном мире, охваченном тревогой за будущее цивилизации, Толстой остается союзником и нравственной опорой всех людей, которые объединяются в общем стремлении спасти от истребления человечество и его культуру.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

** Там же, с. 22.

Становление личности и формирование художественного дарования

Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября 1828 года в усадьбе Ясная Поляна, в которой и провел большую часть своей жизни. По происхождению и родственным связям он принадлежал к самой аристократической части русского общества. Петр I пожаловал пращура писателя видного дипломата Петра Андреевича Толстого графским титулом.

Родословное древо графов Толстых не раз переплеталось со многими знатнейшими дворянскими фамилиями, в числе которых были потомки удельных князей — Волконские, Одоевские, Трубецкие.

Принадлежность к привилегированному сословию обусловила первые житейские впечатления Толстого и существенно повлияла на формирование его детских и юношеских взглядов. Деление окружающих людей на господ и слуг воспринималось им как некая извечно существующая норма. Симбиоз праздно живущих помещиков и работающих на них крепостных крестьян представлялся естественным состоянием, не подлежащим ни сомнению, ни пересмотру.

Дворянские дети в ту пору, как правило, рано, еще в родном гнезде, становились свидетелями крепостных трагедий. Об этом свидетельствовали Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин. Ничего подобного Лев Николаевич в детстве не наблюдал. Его родители не истязали дворовых, не томили сверх меры на барщине мужиков, не отдавали в рекруты людей вне очереди, не отягощали безмерным мучительством их и без того каторжную подневольную жизнь. От этого крепостное право, разумеется, не утрачивало своей безнравственной сущности, но и не открывалось в его наиболее уродливых формах. В глазах подрастающего поколения крепостническая действительность в Ясной Поляне была патриархальной идиллией. Этому способствовал и семейный уклад в господском доме, взаимная любовь всех членов семьи, добрые начала, положенные в основу воспитания детей.

Отец писателя, добрый семьянин, отставной офицер, участник отечественной войны 1812 года, был всецело поглощен хозяйственными заботами. Воспитанием детей

занималась мать. Это была образованная женщина, знавшая четыре иностранных языка и, в отличие от своих аристократических сверстниц, хорошо говорившая по-русски. Отличительными чертами ее характера были доброта и отзывчивость. Биографы Толстого полагают, что от нее унаследовал великий писатель «свою редкостную искренность, равнодушие к людским пересудам и чудеснейший дар... придумывать и рассказывать сказки». Она рано умерла, оставив сиротами четырех сыновей, из которых Лев Николаевич был младшим, и совсем маленькую дочь. Однако созданная ею нравственная атмосфера сохранилась в доме и после ее смерти, когда дети перешли на попечение родственницы Т. А. Ергольской.

Т. А. Ергольская заняла большое место в жизни Л. Н. Толстого. Человек редкой душевной щедрости, она посеяла и взрастила в своем любимом воспитаннике стремление к правде, дар любви к людям и неутолимую жажду добра. Эти чувства настолько ощутимо вошли еще в детское сознание, что определили содержание детских игр. Толстой любил играть в «муравьиных братьев» и искал «зеленую палочку». Предполагалось, что если такая волшебная палочка будет найдена, то всем людям будет хорошо.

Конечно, это благородное стремление графских детей осчастливить человечество нимало не подрывало их словесного мироощущения. Пройдет немало времени, прежде чем писатель осознает безнравственность социального неравенства. Однако не исключено, что стремление к общественному благу потому с такой силой завладело гениальным писателем, что добрые семена запали в его душу еще в самом раннем ее развитии.

Летом 1837 года внезапно умер отец. Толстые жили тогда в Москве. Старший брат Николай учился в Московском университете, младших братьев, в том числе и Льва Николаевича, обучали приходявшие в дом учителя и гувернеры. Жизнь в Москве не была будущему автору «Детства» по душе. Он скучал по Ясной Поляне. Острую неприязнь вызывал новый гувернер, сухой и педантичный француз Сен-Тома, полная противоположность его предшественнику Ф. И. Ресселю, с такой сердечностью впоследствии изображенному Толстым под именем Карла Ивановича.

В 1841 году Толстые по желанию своей опекуни тетушки П. И. Юшковой переехали в Казань. Она постаралась ввести племянников в избранные дома казанской знати и приобщить их к светским удовольствиям. Неискушенному юноше льстит принадлежность к привилегированному дворянскому кругу, он усваивает презрительное отношение ко всем, кто не входит в это избранное меньшинство. Он старается подражать тем, кто ездит в собственном экипаже, свободно болтает по-французски, модно одевается и умеет держать себя в светском обществе. Преодолевая природную застенчивость, Толстой посещает балы, танцует, ухаживает, участвует в дружеских кутежах. Он старается усвоить изысканные манеры и искренне огорчается, находя что-то простонародное, мужицкое в строении своей фигуры и лица.

В 1843 году после предварительной домашней подготовки Толстой поступил на факультет восточных языков Казанского университета, намереваясь сделать дипломатическую карьеру. Однако на второй курс его не перевели. Не желая оставаться второгодником, Толстой перешел на юридический факультет.

Как ни велико было желание Толстого выглядеть вполне светским человеком, оно все же не могло захватить его целиком. Незаурядность личности заявляла о себе и тогда. Толстой углубленно размышляет, анализирует свои чувства и поступки, много читает и задумывается над прочитанным, его рано начинают интересовать философские проблемы. Громадное впечатление на него произвели сочинения Руссо. Он задумывается о смысле и цели жизни, что дает высоко нравственное направление его постоянной склонности к рефлексии, самоанализу и самоконтролю. Толстой составляет для себя свод правил, чтобы, руководствуясь им, преодолевать в себе дурные наклонности и совершенствовать добрые начала. У него уже тогда складывается твердое намерение: в поисках истины ничего не принимать на веру и никогда не становиться рабом общепринятых понятий.

Сословные предрассудки, овладевшие было молодым графом, преодолеваются и отбрасываются. Толстой приходит к убеждению, что праздность — порок, а трудолюбие — добродетель, что нужно подражать не великосветским бездельникам, а стараться жить так, чтобы быть полезным людям. Он охладевает к светским удовольствиям и склоняется к мысли, что положение помещика

обязывает его деятельно заботиться о благосостоянии своих крепостных.

На втором курсе Толстой с увлечением приступил к предложенной ему профессором Мейером работе: сравнить «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения» Екатерины II с книгой Монтескье «Дух законов». Уже в этом студенческом сочинении проявилась столь характерная для зрелого Толстого независимость суждений. Изучая законодательную деятельность «просвещенной» монархии, он приходит к утверждению безнравственности деспотического режима и впервые осуждает крепостное право: «В нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, пока будет существовать рабство; ибо человек, подвластный другому, не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи».

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но, по словам биографа Толстого, «эта-то впервые пробудившаяся в молодом Толстом страсть к наукам и повлекла за собой выход его из университета». Приобщение к самостоятельному научному исследованию вызвало обострение недовольства рутинным состоянием казенного обучения. Лев Николаевич оставляет университет, без сожаления покидает дворянскую Казань и отправляется в Ясную Поляну, исполненный самых широких, хотя и не вполне определенных планов. Он собирается самостоятельно готовиться к кандидатским экзаменам, намеревается совершенствоваться в знании иностранных языков, изучать музыку и живопись. Но все это не более как средства развития личности, перед которой стоит высокая цель служения человечеству. Конкретная и ближайшая форма ее — улучшить жизнь своих крепостных.

Первые шаги великого правдоискателя на грандиозном пути от светской гостиной до крестьянской избы, от кастовых предрассудков аристократа до отказа от всех сословных и имущественных привилегий были неудачны. Благие намерения либерального помещика разбились о вековое недоверие мужика к барину. Эта страница биографии Толстого нашла художественное отражение в рассказе «Утро помещика», представляющем фрагмент из неоконченного «Романа русского помещика».

Деятнадцатилетний князь Нехлюдов, от имени которого ведется повествование, покидает университет, чтобы бороться с главным злом, которое «заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков». В доверительном письме к близкому человеку он так мотивирует свое решение: «Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастье этих семисот человек, за которых я буду отвечать богу? Не грех ли покидать их на произвол грубых старост и управляющих из-за планов наслаждения или честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?»

Благородные мечты юного энтузиаста на практике встретили неодолимое сопротивление. Мужики отказались от предлагаемых Нехлюдовым нововведений. Мешала этому не только неразвитость и косность их сознания, но взаимоисключающая противоположность крестьянских и господских интересов. Чем очевиднее казалась польза от предлагаемых помещиком советов, тем сильнее выросло у мужиков недоверие к ним. Крестьяне подозревали в них тонко замаскированный обман или, в лучшем случае, блажь молодого барина, оплачивать которую в конечном счете доведется мужику. То чувство огорчения и разочарования, которое испытывает литературный персонаж Нехлюдов, пережил сам автор — Л. Н. Толстой.

Неудавшийся опыт хозяйственно-филантропической деятельности вызвал у Толстого чувство неудовлетворенности. Осенью 1848 года он отправляется в Москву, где попадает в уже привычную колею светской жизни, увлекается картами. Из Москвы переезжает в Петербург, начинает сдавать в Петербургском университете кандидатские экзамены. И опять великосветские знакомства, карточные и бильярдные долги. В ноябре 1849 года поступает на службу в Тульское дворянское депутатское собрание: В Туле еще «с большей силой, чем раньше», пережил «период кутежей, охоты, карт, цыган».

Возвращаясь к светским развлечениям и отдавая как бы тем самым дань своей страстной увлекающейся натуре, Толстой не утрачивает критического отношения к бесполезной трате сил. Кратковременные периоды праздности и кутежей перемежаются с напряженной работой

ума. Толстой много читает. Его внимание привлекают лучшие журналы того времени: «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения».

В состоянии охватившей его неудовлетворенности Толстой принимает решение ехать на Кавказ.

Первобытная роскошь кавказской природы, почти нетронутые цивилизацией быт и нравы казачьей станицы взволновали Толстого и содействовали раскрытию его творческих импульсов. Здесь он написал свою первую повесть «Детство». Это произведение, как и последующие части трилогии «Отрочество» и «Юность», построено на автобиографическом материале. Герой повести Николенка Иртеньев — во многом сам Л. Н. Толстой. Поэзия детства, первые впечатления ребенка, его радости и горе переданы с такой ясностью и простотой, что создают впечатление необычайной легкости творчества. А между тем автор переделывал «Детство» четыре раза, прежде чем решился его напечатать. Неудовлетворенность сделанным, стремление к дальнейшему совершенствованию написанного сопутствовали великому писателю до самого конца его творческого пути. А. М. Горький, близко знавший Толстого, в своем описании выдающегося мастера художественного слова выделил его замечательные руки, руки труженика и творца.

Первым читателем «Детства» был Некрасов, которому автор послал свое произведение. Замечательный поэт и опытный редактор Некрасов сразу увидел незаурядность начинающего писателя и не замедлил опубликовать в «Современнике» его первое произведение. Завязавшаяся переписка с Некрасовым укрепила веру Толстого в свой талант и стимулировала его дальнейшее творчество.

Вслед за повестью «Детство» на Кавказе были написаны рассказы «Набег» и «Рубка леса». Вопреки романтической традиции, связанной с именем Бестужева-Марлинского, изображение кавказской войны в рассказах Толстого предстает во всей ее неприкрашенной правдивости. Бессмысленность убийства и разрушения, ненужная фальшь показного молодечества, противопоставленная спокойному выполнению долга, симпатия к горцам, защищающим родной очаг, — все эти мысли составляют главное содержание кавказских рассказов Толстого и получают дальнейшее развитие в его последующем творчестве.

Первые же произведения принесли Толстому прочный и заслуженный успех. В журналах появляются лестные для начинающего писателя отзывы. Толстой укрепляется в мысли, что его настоящее призвание литература, и подумывает об отставке. Но разгоревшаяся война и высадка интервентов под Севастополем побуждают его подать рапорт о переводе в действующую армию.

Девять месяцев пробыл Толстой в Севастополе, из них полтора сражался на четвертом бастионе, на одном из самых ответственных и опасных участков севастопольской обороны. Много увидел, пережил и понял в осажденном городе Толстой. Там, в осажденной крепости, он создает свои знаменитые «Севастопольские рассказы», дышащее восхищением и гневом правдивое повествование участника героической обороны о севастопольской страде.

Толстой был едва ли не первым писателем, который в центр картины поставил не кульминационные моменты сражений, а перенес основное внимание на изображение будничной повседневности. Знакомясь с «Севастопольскими рассказами», читатель познавал войну не в традиционном романтическом ореоле. Перед ним развешивалось правдивое изображение людей, «живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, среди непрерывного труда, бдения и грязи».

Не кучка аристократов, а народ, солдаты, матросы и те офицеры, что делят с подчиненными все тяготы боевой страды,— вот кто истинные защитники черноморской твердыни, ее герои, подлинны носители священной идеи патриотизма. «Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого,— любовь к родине».

Оборона Севастополя приводит Толстого к выводу решающим фактором на войне является моральный фактор. Невозможность для неприятеля взять Севастополь, поколебать стойкость его защитников автор «Севастопольских рассказов» видит не в «множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий», а в том, что называет духом защитников Севастополя. Это убеждение автора не смогло поколебать даже падение крепости. Участь осажденной крепости решена.

После одиннадцати месяцев героической обороны защитники по приказу оставляют город. Но и этот трагический финал окрашен непоколебимой верой в конечный победоносный исход.

Толстой ничего не смягчает и не приглаживает. Он прямо говорит, что «чувство самосохранения и желания выбраться как можно скорее из этого страшного места смерти присутствовало в душе каждого». А все же и в этот момент главное было в другом. «Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам».

В Севастополе окрепла неприязнь Толстого к людам, противопоставлявшим себя народу. Он срывает маску с аристократов, участвующих в войне не из чувства патриотического долга и даже не по обязанности, а единственно ради наживы, извлечения выгод, приобретения наград. Они не рискуют жизнью, не переживают трудностей, они и здесь, как и обычно, праздно проводят время. Незабываема сцена, в которой высмеяны эти, как их называет автор, «рыцари снобса и тщеславия».

Князь Гальцин, барон Пест, подполковник Нефердов и прильнувший к ним Праскухин в комфортабельной квартире ведут праздные разговоры. Поблизости сражаются, падают под осколками неприятельских ядер, умирают от ран и антисанитарии в провонявших госпитальных, а здесь уютно, кто-то бренчит на фортепьяно, кто-то напевает. Лакей разносит на серебряном подносе чай со сливками и крендельками. Как будто и нет войны. Совсем как в Петербурге. Эти светские хлыщи презируют не только солдат, но и пехотных офицеров, которые «живут на бастионах с солдатами и едят солдатский борщ». Они прячутся от опасности, а свою трусость прикрывают выпендривными разглагольствованиями об истинной дворянской храбрости, которая присуща только тем, кто и не может и не должен разделять лишения с другими.

В «Севастопольских рассказах» Толстой впервые сформулировал основной принцип своих эстетических воззрений, который исповедывал всю жизнь: «Герой мо-

ей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен — правда».

В конце войны Толстой приезжает в Петербург. Его восторженно встречают в редакции «Современника». Ни один из столичных литераторов ни разу не видел графа Толстого, а его выдающееся дарование успели оценить все. Толстой завязывает дружеские отношения с Тургеневым, автором восхищавших его «Записок охотника», с Григоровичем, прославившимся антикрепостнической повестью «Антон Горемыка», сближается с Некрасовым, с которым и до этого находился в переписке, знакомится с другими известными писателями.

В 1856 году вышли отдельным изданием две книги Толстого: «Детство и отрочество» и «Военные рассказы». Чернышевский откликнулся на них рецензией в «Современнике», в которой назвал молодого автора прекрасной надеждой нашей литературы и выделил две специфические особенности его таланта.

«Внимание графа Толстого,— писал Чернышевский,— более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем».

Это внимание к самому психологическому процессу, к его формам и законам, способность «уловлять» «диалектику души» Чернышевский называет отличительной чертой Толстого, составляющей в его таланте особенную, только ему свойственную силу.

Другой сильной стороной Толстого Чернышевский называет чистоту нравственного чувства, которое у него «сохранилось во всей юношеской непосредственности и свежести». Свежесть нравственного чувства придает произведениям Толстого «особенную — трогательную и грациозную — очаровательность». Свою рецензию на первые произведения Толстого Чернышевский закончил пророческими словами: «Мы предсказываем, что все, донныне

данное графом Толстым нашей литературе, только залогом того, что совершит он впоследствии; но как богаты и прекрасны эти залогии».

Знакомству Толстого с писателями, составлявшими актив «Современника», не суждено было перейти в постоянную дружбу. Во-первых, в это время в самой редакции журнала назревал раскол. Толстой примкнул к писателям, не разделявшим революционно-демократической доктрины Чернышевского. Ближе всего он сошелся с Тургеневым. Но их дружба не выдержала долгого испытания. Сказалось несходство характеров. «Мы созданы противоположными полюсами,— писал Тургенев.— Если я ем суп и он мне нравится, я уже по одному этому наверное знаю, что Толстому он противен». Не было и полного совпадения взглядов. Тургенева возмущала запальчивость Толстого в спорах, нападки на Шекспира, на Жорж Санд. Со своей стороны, Толстой, не терпевший фразу, фатовство, неискренность, приписывал эти качества Тургеневу. В итоге их общение прекратилось на много лет. Одно время Толстой близко сошелся с Дружининым, наиболее рьяным поборником теории «чистого искусства», но вскоре увидел несостоятельность его эстетической позиции и разочаровался в нем.

Близко к сердцу принимает Лев Николаевич крестьянскую реформу, подготовляемую правительством. Не ожидая общего решения вопроса, он составляет свой проект передачи земли в собственность мужикам и пытается провести его в своем имении. Толстой полагал тогда, что мужики должны уплатить помещику за землю. Условия выкупа он назначил намного легче тех, которые вскоре назначило правительство. Но яснополянские мужики отказались принять предложение помещика, надеясь, что царь отдаст им землю даром, и усматривая в предложении барина обман. Толстой снова столкнулся с тем недоверием, которое однажды уже испытал.

В январе 1857 года Толстой отправился в свое первое заграничное путешествие. Причины, побудившие его предпринять эту поездку, различны, но главная — это споры о будущем России. Что крепостное право окончательно себя изжило, что оно обрекает страну на экономическую отсталость и в высшей степени античеловечно, в этом сходились все за исключением закоренелых ретроградов, мнение которых уже не могло остановить определившийся процесс. Однако что будет дальше, ка-

кие формы государственного правления обеспечат прогрессивное развитие общества и дадут более справедливый социальный порядок — в этом вопросе единства не было. Революционные демократы ратовали за революционные преобразования, либералы отстаивали путь либеральных реформ и как на образец развития указывали на социальное устройство передовых буржуазных стран. Толстой в спорах тогдашней передовой русской интеллигенции склонялся к точке зрения западников типа Тургенева, но, оставаясь верным правилу избегать поверхностных умозаключений, решил своими глазами увидеть преимущества западной цивилизации, лично убедиться в ее поучительности для своей страны.

На Западе Толстого многое заинтересовало и порадовало. Ему по душе пришлась веселость и жизнерадостность французской толпы, но тяжелейшее впечатление произвела публичная смертная казнь, которую он видел в Париже. Он не мог налюбоваться на красоту Женевского озера в Швейцарии. Общее же впечатление от социального порядка в этой стране, как и вообще в Европе, от уровня буржуазных нравов, от буржуазной цивилизации осталось у Толстого резко отрицательное.

Итогом этой поездки явился рассказ «Из записок князя Д. Нехлюдова «Люцерн». Личный элемент занимает большое место во всех произведениях Толстого. Этот же рассказ полностью автобиографичен. Под именем князя Нехлюдова автор изобразил себя. Герой произведения, русский путешественник, остановившийся в самой комфортабельной гостинице Люцерна, заполненной богатыми иностранцами, преимущественно англичанами, был свидетелем небольшого происшествия. Однажды, возвращаясь с прогулки и находясь под умиротворенным впечатлением чарующего летнего вечера, он увидел у гостиницы толпу. Богатые, изысканно одетые, безукоризненно воспитанные люди, цивилизованные граждане культурной Европы, защищенные от попрошайничества полицией и законами, благосклонно слушали музыканта, но ни один из них не счел нужным отблагодарить его.

Этот частный будничный факт, происшедший 7 июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергоф, автор возводит в событие всемирно исторического значения, «которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событие значи-

тельное, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях». Этот факт Толстой относит «не к вечным дурным сторонам человеческой природы, но к известной эпохе развития общества», точнее, к сущности буржуазной цивилизации.

«Отчего,— спрашивает Толстой,— этот бесчеловечный факт, невозможный ни в какой деревне, немецкой, французской или итальянской, возможен здесь, где цивилизация, свобода и равенство доведены до высшей степени... И неужели это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступлений? Неужели народы, как дети, могут быть счастливы, одним звуком слова „равенство“?» На эти вопросы автор дает категорически отрицательный ответ. Он отказывается признать благом цивилизацию, в которой противоречия между богатством и нищетой не только не сгладились, а выросли в непреодолимую пропасть. Толстой называет лицемерием равенство перед законом в государстве, в котором закон охраняет привилегии богатства и собственности. «И неужели это свободное, то, что люди называют положительно-свободное государство, то, в котором есть хоть один гражданин, которого сажают в тюрьму за то, что он, никому не вредя, никому не мешая, делает одно, что может, для того чтобы не умереть с голода?»

Торжествующую пошлость, прикрытую социальным лицемерием, увидел великий писатель в капиталистической Европе. Сытый буржуа равнодушен ко всему, кроме наживы: к человеку, к искусству. Парадный фасад буржуазной культуры прикрывает сплошную фальшь. Свободный артист в свободной стране, формально равный с другим перед законом, в действительности нищ и бесправен. «Кто больше человек и кто больше варвар: тот ли лорд, который, увидав затасканное платье певца, с злобой убежал из-за стола, за его труды не дал ему миллионной доли своего состояния и теперь сытый, сидя в светлой покойной комнате, спокойно судит о делах Китая, находя справедливыми совершаемые там убийства, или маленький певец, который, рискуя тюрьмой, с франком в кармане, двадцать лет, никому не делая вреда, ходит по горам и долам, утешая людей своим пением, которого оскорбили, чуть не вытолкали нынче и который, усталый, голодный, пристыженный, пошел спать куда-нибудь на гниющей соломе?»

Выраженные здесь мысли не результат мимолетного настроения, а определенно сложившееся убеждение, которое сохранится у Толстого на всю жизнь.

Побывав за границей, Толстой с энтузиазмом возобновляет деятельность на пользу яснополянских мужиков. Еще в 1849 году он открыл школу для крестьянских детей. Сейчас педагогическая деятельность Толстого приобретает свойственный всем его увлечениям размах. Он не только сам выступает в роли учителя, но и приглашает к себе в школу учителями студентов, исключенных за неблагонадежность из университета.

И в педагогике, как и во всяком деле, за которое принимался Толстой, он избегает проторенных путей, выступает противником рутины и шаблона. В эпоху, когда телесное наказание считалось неотъемлемым средством воспитания, когда даже такой крупный и передовой ученый, как попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пирогов, не решался вполне отказаться от розги, яснополянский учитель не только не наказывает своих учеников, но отвергает сам принцип принуждения в воспитании и обучении детей. В целях возможно более широкого распространения своего школьного опыта Толстой стал издавать педагогический журнал «Ясная Поляна». По просьбе Толстого Чернышевский отрецензировал его первые номера в «Современнике» и подчеркнул положительные элементы учебно-воспитательной практики великого писателя.

Придавая огромную важность делу обучения и воспитания народа, Толстой, естественно, пытался опереться на накопленный мировой педагогикой опыт. В 1860 году Толстой вторично отправляется за границу. Он знакомится с постановкой школьного обучения в наиболее развитых европейских странах, желая быть на уровне «всего, что сделано по этой части».

В Лондоне Толстой познакомился с Герценом и постоянно встречался с ним в течение полутора месяцев. Впечатление от этих встреч осталось у него на всю жизнь. В письме к Герцену выразил Толстой свое отношение к манифесту 19 февраля 1861 года: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делает

мое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний».

По возвращении из-за границы Толстой принял активное участие в крестьянских делах. Он занял должность тульского мирового посредника и стойко защищал интересы мужиков, чем вызвал крайнее неудовольствие дворян. Последовали доносы. Летом 1862 года, когда у Толстого открылся туберкулез и он уехал в Самарскую губернию на кумыс, в Ясной Поляне был произведен обыск.

Тяжелое положение обманувшихся в своих ожиданиях крестьян, всеобщее бесправие в стране, от которого не ограждает ни литературная известность, ни графский титул, неупорядоченность личной жизни — Толстой мечтает о семье, но девушки, которую хотел бы назвать своей женой, не находит, — все это создает подавленное настроение, вызывает чувство неудовлетворенности.

Не всегда радуют писателя и плоды творчества. Он остался неудовлетворен «Семейным счастьем», рассказом «Альберт». Замечательно, что великий писатель не ищет спасения в узком мирке личного благополучия, в котором можно «спокойно, без ошибок, без раскаяния, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь все только хорошее». Так представлять себе счастье, говорит Толстой, «Смешно! Нельзя... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лищаться. А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного».

Толстой временами все еще «срывается», отдавая дань усвоенным в молодости привычкам. Но углубленная работа мысли и серьезный творческий труд в середине шестидесятых годов окончательно вытесняют страсти, порожденные праздностью. Укрупняются масштабы творческих замыслов. Так, в небольшом рассказе «Три смерти» Толстой сумел совершенно по-новому поставить тему природы и цивилизации.

Живут и умирают барыня, мужик и дерево. Барыня смотрит на жизнь как на цепь непрерывных удовольствий. Она боится смерти, умирает мучительно и трудно, измучив себя, родных, слуг. Мужик живет просто, как бы проходит предначертанный ему трудовой путь. Он

безропотно повинуется вечному закону жизни и умирает спокойно, успев перед смертью сделать последнее доброе дело, отдать единственное свое имущество, новые сапоги, молодому ямщику Сереге. Дерево срубили ро-систым весенним утром, чтобы сделать из него крест. Смерть в природе не прерывает вечной гармонии жизни. Чуждый звук топора не надолго нарушил поэзию лесной опушки. Умершему дереву предстоит вторая жизнь в виде креста на могиле труженика.

Живя в Ясной Поляне, забывая за любимым делом воспитания крестьянских ребятишек огорчения и неприятности, Толстой начинает задумываться о том, чтобы отказаться от имения и жить так, как живет весь простой русский народ. Эти мысли претворились в творчестве. Еще на Кавказе он задумал повесть, в которой намеревался отразить свои тогдашние наблюдения и переживания. В течение десяти лет он не раз возвращался к этой теме, меняя заглавие и сюжетную линию повествования. Теперь он завершил давний замысел, получивший в окончательном виде название «Казак».

Богатый молодой дворянин Оленин отправляется на Кавказ. Удовольствия праздной жизни, в которых он успел разочароваться и от которых бежал, здесь, под влиянием нахлынувших свежих впечатлений, представляются ему совсем никчемными. Оленина прельщает цельное мирозерцание не тронутой цивилизацией казачьей общины, сложившейся на естественной почве насущных забот и трудовых интересов. Он влюбляется в казачку Марьяну и собирается жениться на ней, приписаться к казакам и навсегда поселиться в станице. Но Марьяна прогоняет его.

Оленину не суждено было стать казаком. Не реализованными остались и мечты автора о коренном изменении своей жизни.

«Война и мир»

---

24 сентября 1862 года Толстой привез в Ясную Поляну молодую жену — Софью Андреевну Берс.

Лев Николаевич чувствует себя созревшим для создания монументальных произведений. Отдельная человеческая личность связана бесчисленными нитями с дру-

гими людьми, со своим временем, с историей народа. Его не удовлетворяет изображение обособленной индивидуальности, он мечтает о целостном воспроизведении эпохи, в которой судьбы отдельных людей выступали бы максимально приближенными к реальным условиям исторической жизни, как можно меньше ограниченной произвольными рамками авторской воли. Судьба России, судьбы русского народа, судьбы многих людей на протяжении многих лет, «диалектика души», раскрытая во всей ее полноте и во всей ее конкретности,— вот что привлекает и увлекает Толстого.

В 1863 году Толстой приступил к созданию своего величайшего произведения «Война и мир». В этом четырехтомном романе воспроизведена жизнь русского общества в 1805—1812 годах в наиболее характерных ее проявлениях. Здесь изображена и официальная Россия с ее императором, придворной знатью; сановной бюрократией, и широкие круги русского дворянства, и многомиллионная масса крестьян, как основание, на котором держится вся эта разветвленная и сложная структура, именуемая обществом и государством. Внимание автора привлекают и вопросы внешней политики, и крепостное право, и традиционный бытовой уклад, и нравственно-этические основы.

В центре всего — 1812 год, когда выразился героический характер русского народа и впервые так ясно определились его возможности в решении исторических судеб государства.

«Война и мир», грандиозное многоплановое произведение, потребовавшее от автора семи лет напряженного труда, имело свою предысторию. В 1856 году были возвращены из ссылки оставшиеся в живых декабристы. Тем самым открылась возможность писать на тему, считавшуюся запретной в течение всего николаевского царствования. За границей Толстой встретился со своим дальним родственником декабристом С. Г. Волконским и его женой. Это знакомство стимулировало возникший замысел написать роман о героях, бросивших открытый вызов самодержавной власти. В письме к Герцену от 26 марта 1861 года Толстой пишет: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел... Скажите пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета.

Тургеневу, которому я читал начало, понравились первые главы».

Позднее на аналогичную тему Некрасов написал поэму «Дедушка», где воспроизвел образ возвратившегося декабриста, опираясь на тот же исторически реальный прототип — личность С. Г. Волконского. Работа же Толстого над задуманным романом закончилась на первых главах. От 1856 года внимание его перекинулось к 1825 году. «Но и в 1825 году герой мой был уже мужалым семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года». Но чтобы выразить величие 1812 года, возникла необходимость отнести начало повествования к еще более ранней поре. «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама... Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений». Так намечается основной взгляд и хронологические рамки романа.

В романе «Война и мир» логическое представление автора об историческом процессе столь же оригинально, как и его художественное мышление. Не принимая на веру традиционных положений исторической науки, он создает свою историко-философскую концепцию, в соответствии с которой поступают как подлинные исторические лица, так и созданные его творческой фантазией литературные персонажи. Свое понимание движущих сил истории Толстой не только воплощает в образно-художественную структуру романа. Он излагает их и непосредственно от своего авторского имени в форме введенных в текст фрагментов историко-философского и нравственно-философского трактатов.

Толстой — непримиримый враг войны. «Двенадцатого июня, — пишет он, — силы западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на

которые в этот период времени люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления».

Каковы же были причины этой войны, кто был ее виновником, кто управлял ее ходом? Ставя такие вопросы и отвечая на них, Толстой доказывает абсурдность господствующих в исторической науке его времени представлений, по которым историю делают императоры и полководцы. Он развенчивает миф о Наполеоне, изображает его самовлюбленным, тщеславным, вечно позирующим актером, вообразившим себя всемогущим вершителем исторических судеб народов, в действительности же лишь исполнявшим «ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловеческую роль, которая ему была предназначена».

Исторический процесс, по мнению Толстого, происходит стихийно и складывается из бесчисленного количества произвольных поступков множества людей. Самыми полезными деятелями периода отечественной войны он считает тех, составляющих большинство, людей, которые «не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего».

«В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью.»

Этот взгляд приводит Толстого к недооценке роли личности в истории, к отрицанию планирования военных операций, к утверждению невозможности военачальника руководить сражением, так как не может один человек, говорит Толстой, руководить одновременно тысячами других людей. В романе «Война и мир» критикуются не только планы, распоряжения и диспозиции Наполеона, отрицается организующая и направляющая деятельность военачальника вообще. В этом смысле и любимый исторический герой Толстого Кутузов не представляет исключения. Величие Кутузова Толстой видит не в гениальности его стратегических решений, которые он подвергает столь же отрицательному анализу, как и полководческое искусство Наполеона, а в той высшей мудрости, которой он был наделен, в понимании естественного хода событий, в правильной оценке духа русского

народа, к которому он сам принадлежал и лучшим выразителем которого он являлся.

«Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сражения не распоряжения главного командующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Так, вопреки недооценке военной стратегии, Толстой сумел выделить в образе Кутузова нечто основное и важное. Кутузов — национальный герой и русский патриот. Он противостоит и интригующей придворной челяди, составляющей ближайшее окружение императора, и иностранным специалистам, в том числе и «русским немцам», этой хронической болезни русского самодержавия. В силу ограниченности, нередко бездарности, а более вследствие глубокого равнодушия к судьбам приютившей их страны они своекорыстным вмешательством не помогали, а вредили русской армии, тормозили ее успехи. Кутузова не любит царь. Над старым воином смеются в придворных сферах. Но когда полчища интервентов вторглись в пределы России, Александр вынужден был призвать Кутузова. Даже ему стало ясно, что для успешной борьбы с Наполеоном нужен такой полководец, которому верит армия, за которым пойдет народ. И то, что Кутузов был русским патриотом, то, что для него судьба Родины была бесконечно дороже всех его личных интересов, что в эти дни он думал и чувствовал так, как думал и чувствовал народ, ставило его, по убеждению Толстого, бесконечно выше Наполеона и всех других полководцев той поры.

Разбирая природу и характер героизма, Толстой приходит к выводу, что героизм вырастает из патриотического чувства. Поэтому истинный героизм неразрывно связан с народностью. Толстой утверждает, что героическое поведение отдельного лица не в состоянии повлиять на ход исторического события. Только массовый героизм, стойкость и мужество широких масс русского народа привели к победе над интервентами в 1812 году. Скромнен Кутузов, скромнен Раевский, скромны генералы Дохтуров и Коновницын, пользовавшиеся репутацией «весьма ограниченных способностей и сведений», но все-

гда находившиеся там, «где было труднее всего». Совсем незаметны в повседневной жизни рядовые офицеры Тимохин и Тушин. Но именно они спасают положение в ответственные моменты боя, именно они в критической обстановке проявляют до сих пор в них никем не замеченные героические черты. Само понятие героизма у Толстого имеет свой особый смысл. Толстой отделяет понятие героического от всего исключительного, тем более броского и показного. Храбрый человек — это тот, кто находится там, где нужно, и делает то, что нужно.

Не в отдельных эпизодах, а изложением всего исторического события Толстой утверждает, что война 1812 года была война народная. В этом он видит ее смысл и этим определяет победоносность ее исхода. Наполеон встретился в России не только с русской армией, но с сопротивлением всего народа. И в этом главная причина его поражения. «Прежде, чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забегающую собаку». Лучшая в мире конница Мюрата погибла не в сражениях с кавалерией противника. Ее истребили русские мужики Карп и Влас. Лично они никакими исключительными качествами не обладали. Но, как и бесчисленное количество таких же мужиков, отказались продавать сено неприятелю, жгли фураж. Для них, как и для всех «русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли, или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего».

Исключительно широк в «Войне и мире» социальный охват русской, да и не только русской жизни. В романе сотни принадлежащих к различным сословиям персонажей, из которых даже самый второстепенный отмечен характерными штрихами, определяющими его индивидуальное своеобразие. С наибольшей полнотой изображены дворянство и его аристократическая верхушка, в руках которой сосредоточена львиная доля богатства и власти.

Как бы предупреждая возможные упреки в недемократичности, Толстой в одном из вариантов предисловия

сделал такое заявление: «Еще несколько слов в оправдание на замечание, которое наверное сделают многие. В сочинении моем действуют только князья, говорящие и пишущие по-французски, графы и т. п., как будто вся русская жизнь того времени сосредоточилась в этих людях. Я согласен, что это неверно и нелиберально, и могу сказать один, но неопровержимый ответ. Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократов того времени, благодаря памятникам того времени и другим причинам, мне понятна, интересна и мила».

В числе этих других причин возможно следует учитывать личные отношения и родственные связи автора с прототипами своих героев. Известно, что отец писателя послужил прототипом для Николая Ростова, мать и дед, владелец Ясной Поляны князь Волконский воплощены в образах Николая Болконского и его дочери. Соня во многом списана с тетушки Ергольской, о Наташе Ростовой Толстой шутя говорил, что он взял свояченицу Таню, перемолол с женой Соней и получилась Наташа.

В предполагаемом объяснении с читателями Толстой не без вызова идет «против течения». В отстаивании идеологической платформы, в чем-то не совпадающей с демократическим духом времени, несомненен элемент демонстративности, который у Толстого случалось замечать Некрасову, Чернышевскому, Герцену. Однако, противореча декларативному заявлению о милой ему жизни аристократов, он изображает эту жизнь пустой, безнравственной и порочной. Действие романа и начинается с того, что в гостиную видной придворной дамы Анны Павловны Шерер собираются люди, в большинстве своем несимпатичные автору. Князь Василий поспешил явиться, чтобы заручиться поддержкой влиятельной Анны Павловны в обеспечении дипломатической карьеры своего сына Ипполита, которого сам называет дураком. Этот сановник, занимающий одну из высших ступеней в придворной иерархии, человек с представительной внешностью и безупречными манерами, способен ради обогащения пойти на самое ординарное уголовное преступление. Порочно и безнравственно все его семейство. Порочен сын, Анатолий Курагин, порочна дочь — холодная и развратная светская красавица Элен. Жена князя Василия, уже пожилая женщина, мучительно завидует до-

чери, когда та выходит замуж за богатейшего в России жениха, и снова завидует ей, когда та, разойдясь с мужем, поймала было в свои сети еще более завидного претендента.

Княгиня Друбецкая приехала на вечер с единственной целью напомнить о себе и выпросить назначение в адъютанты к Кутузову для своего сына Бориса. Борис Друбецкой, названный Писаревым великосветским Молчалиным,— наиболее законченный тип преуспевающего карьериста в романе. Отпрыск известной, но впавшей в бедность аристократической семьи, он неукоснительно следует одной цели, поставленной им перед собой еще в ранней юности: сделать карьеру и разбогатеть. Тонкий льстец, он держит себя с видимым достоинством, артистически разыгрывает роль любящего сына и почтительного молодого человека. Дружбу завязывает только с теми, кто стоит выше его на общественной лестнице и может быть ему полезен, и перестает замечать тех, кого он уже обогнал. Он платит неблагодарностью облагодетельствовавшим его Ростовым и женится на богатой и некрасивой девушке, цинично рассчитывая устроить так, чтобы как можно меньше видеть свою жену.

Но наряду с такими персонажами в романе немало лиц, к которым автор действительно испытывает живейшую симпатию. Среди них — Ростовы. Это патриархальная дворянская семья, не свободная от недостатков и слабостей, обусловленных временем и социальной средой. Но это люди простые, сердечные. Хотя глава семьи граф Илья Андреевич Ростов, любящий отец, хлебосольный хозяин, и не отличается какими-либо особыми достоинствами, он все же изображен человеком добрым и симпатичным. То же можно сказать и о его жене. Их старший сын Николай Ростов простой и сердечный человек. В молодости он обожает императора. В час аустерлицкого разгрома Николай увидел своего кумира растерянным и жалким. Но и это не охладило его энтузиазма, не раскрыло глаза. В конце романа Николай Ростов в запальчивости говорит Пьеру: «И вели мне сейчас Аракчеев итти на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди, как хочешь». Однако и этот скалозубовский примитивизм политического мышления не ставит Ростова в разряд людей, чуждых автору, герой не вызывает у читателя враждебных чувств.

Переключаясь с Пушкиным, шутливо сетовавшим на Татьяну, «неожиданно» для него отказавшую Онегину, Толстой однажды сказал: «Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется». Поведение Николая в споре Пьером — практическое выражение этого секрета художественного творчества.

С глубочайшей симпатией обрисованы младшие дети Ростовых: чистый, восторженный, рано погибший Петя и любимая героиня автора Наташа.

Среди положительных женских образов, которыми так богата русская классическая литература, Наташа Ростова занимает одно из самых первых мест. Натура богато одаренная, в начале романа — это порывистый и правдивый, овладевший всеобщей симпатией ребенок, позднее — непосредственная и искренняя, исполненная неподражаемого обаяния девушка, и, наконец, примерная жена и любящая мать.

Прототипом Наташи называли и называют лицо, автору близкое, сестру его жены Т. А. Берс. Сам Толстой утверждал, что отдельные черты Ростовой он заимствовал от своей жены. Однако сводить образ героини романа к его литературным прототипам нельзя. Роль авторского домысла здесь очень велика, и, кажется нам, в образе Наташи выразил Толстой свое представление об идеальной женщине, жене, прекрасном, цельном человеке. Несмотря на сравнительно скромное место, отведенное в «Войне и мире» изображению простонародной среды, народное начало выступает основным критерием нравственности. В Наташе в высшей степени присутствуют народные представления, идеалы. Это так высоко ценимое Толстым свойство перешло в художественный образ не от конкретных реальных прототипов, а явилось материализацией творческой мысли великого писателя.

«Где,— восхищается автор своей героиней,— как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала,—эта графинечка, воспитанная эмигрантской-француженкой,—этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, непод-

ражаемые, не изучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка.

...Она сделала то самое и так точно, так вполне точно это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей необходимый для ее дела платок, сквозь смех прослезилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чужую ей, в шелку и в бархате воспитанную графиню, которая умела понять все то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке».

В дни национальной трагедии, когда Ростовы соберутся выехать из Москвы, Наташа поднимется на новую, героическую ступень, она пристыдит родителей за притупление патриотического чувства, убедит их бросить имущество и отдать подводы для раненых солдат.

В дружном семейном ансамбле Ростовых стоит особняком старшая дочь, красивая и умная Вера. Но и эта достойная супруга немецкого бюргера, лезущего в русские аристократы, аккуратного и прилизанного, эгоистичного до наивности, благополучного стяжателя Берга, лишь оттеняет нравственно благополучную семейную атмосферу.

В «Войне и мире» нет ни одного сквозного героя, вокруг которого были бы распределены все события. Но в романе есть образы, выражающие сокровенные мысли автора, эволюцию его сознания. Это Пьер Безухов и Андрей Болконский. Их волнует смысл жизни, ее высшая цель, они хотят знать истинное предназначение человека на земле. Оба они имеют отношение к замыслу романа о декабристах. В образе Пьера эта связь намечена в сюжетном построении произведения. Андрей Болконский незаурядностью личности психологически близок к героям 14 декабря, о которых сказано: «Это... богатыри, выкованные из чистой стали с головы до ног»*.

Отец Андрея, князь Николай Болконский, старейший русский генерал, за гордость и подчеркнутую независимость прозванный в свете «прусским королем», живет безвыездно в своей родовой усадьбе. Вольтерьянство, трезвость и деятельность причудливо уживаются в нем с капризами желчного человека и властного крепостника. В этом аристократе в высшей степени развито чув-

---

* А. И. Герцен. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1975, т. 8, с. 115.

ство личного достоинства и патриотического долга. Провожая сына в действующую армию, старик на мгновение поддался человеческой слабости отца: «Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, будет больно...» Но тотчас же устыдился этого чувства: «А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! — взвизгнул он». На это молодой князь, улыбаясь, заметил: «Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка». Андрей Болконский имел полное основание отвечать так. От отца он унаследовал и представление о чести, и чувство личной гордости, и незыблемое понятие патриотизма.

В начале романа Андрей Болконский — преуспевающий молодой честолюбец. Однако обычная светская карьера и завершающее ее близкое флигель-адъютантство не удовлетворяют героя. Больше того, он с презрением относится к бездарным карьеристам типа Ипполита Курагина. Он мечтает о настоящей, большой и заслуженной славе, о подвиге. Ему, как и всем молодым честолюбцам его времени, мерещится быстрое восхождение ослепительной звезды Наполеона. Князь Андрей мечтает помериться силами с этим баловнем судьбы и даже превзойти его. Он без сожаления обрывает служебную карьеру, оставляет молодую жену, покидает комфортабельный Петербург и отправляется в действующую армию, надеясь найти «свой Тулон» в предстоящих сражениях с Наполеоном.

Действительность перечеркивает все его честолюбивые мечты и помыслы. Ему уже казалось, что он вплотную приблизился к цели, он вдохновил и повел в атаку растерявшихся солдат, но в тот момент его сразила неприятельская пуля. И когда князь Андрей, истекая кровью, находясь между жизнью и смертью, лежал на аустерлицком поле и «видел над собою далекое, высокое и вечное небо», он с необыкновенной отчетливостью понял, как жалки, ничтожны и мелочны перед лицом вечности все честолюбивые мечты, желания и помыслы, которые до этого составляли весь смысл его жизни.

Судьбе угодно было свести князя Андрея в этот роковой день с Наполеоном. И сейчас этот герой показался ему «маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом». И когда в тот же день, при повторной встрече, Наполеон обратился к раненому

противнику с любезными словами, Болконский не только не почувствовал себя польщенным, но не пожелал даже отвечать своему вчерашнему кумиру. «Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял,— что он не мог отвечать ему».

Андрею Болконскому не суждено было умереть на Аустерлицком поле. Он оправился от ран. Душевная рана оказалась значительнее. Когда в глухую осеннюю ночь неожиданно для всех (его считали погибшим) Болконский вернулся под отчий кров, это уже был не тот человек, который не так давно покинул его. Внезапная смерть жены еще больше укрепила то пессимистическое отношение к жизни, которое на целые годы становится его постоянным мироощущением. Однако ему еще суждено было воскреснуть.

В одну из деловых поездок он встретил Наташу Ростову и нечаянно подслушал ее ночной разговор с Соней. Его поразило это юное существо с переполнявшей его жаждой жизни и верой в счастье. Наташа испытывала такую растворенность в прекрасном мире природы, ей казалось, что она часть этой чарующей весенней ночи, что только одно маленькое усилие отделяет ее от того, чтобы преодолеть закон тяготения и воспарить в свободном полете. Князь Андрей вдруг почувствовал, что чужства, которые он считал в себе умершими, на самом деле только спали. Страшась снова обмануться и вновь испытать горечь обмана, он гонит от себя проснувшиеся мечты, желания. На обратном пути он ищет глазами старый дуб, одиноко стоявший живым укором молодой зеленеющей поросли, дуб, с которым так созвучно было еще две недели назад его душевное состояние. И теперь происходит диалектический скачок, душевное воскрешение героя, показ которого считают одним из наивысших достижений художественного мастерства Толстого.

«Да где он?» — подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам того не зная, не узнавая его, любовался тем самым дубом, которого он искал. Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах весеннего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя — ничего не было видно. Сквозь

жесткую столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да это тот самый дуб»,— подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное веселее чувство радости и обновления... «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год»,— вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей».

С этого момента жизнь для Андрея Болконского вновь приобретает смысл. Он едет в Петербург, принимает деятельное участие в работах Сперанского, влюбляется в Наташу и делает ей предложение, переживает ее измену, сражается на Бородинском поле и смертельно раненный вновь встречается с Наташей, перед концом испытав радость любви и прощения, в духе идей Л. Н. Толстого.

Андрей Болконский погиб за 13 лет до декабрьского восстания. Но малолетний сын его верит, что если бы отец был жив, то он входил бы в то тайное общество, к которому принадлежал Пьер Безухов.

Пьер Безухов, в противоположность волевому, деятельному, собранному Андрею Болконскому, добродушный мечтатель. Незаконнорожденный сын видного екатерининского вельможи он воспитывался во Франции, где усвоил либеральные взгляды и преклонение перед Наполеоном. Его отец перед смертью обратился к Александру I с просьбой признать Пьера законным наследником своего имени и имущества. Пьер, неловкий молодой человек с неопределенным положением незаконнорожденного, вдруг становится одним из самых богатых людей и завиднейшим женихом.

Сделавшись благодаря новому положению своим в обществе столичных аристократов и мужем светской красавицы Элен, Пьер не вписался в это общество. Этот простой, искренний и добрый человек остался чужд светской условности, искательства, карьеризма, порочности и фальши аристократической среды. В поисках истины он вступает в масонскую ложу, но и там не находит разрешения своим сомнениям. В 1812 году он не бежит из Москвы, а, переодевшись в простонародное платье, остается в занятом неприятелем городе, чтобы убить Наполеона. Из этого наивного намерения, разумеется, ничего не выходит. Он оказывается в лагере для русских военнопленных, и там происходит его знакомство с Платоном Каратаевым.

Ужасы, которых насмотрелся Пьер в захваченной неприятелем Москве, грабежи и насилия, расстрел мирных жителей потрясли и перевернули все его представления о мире. «В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в бога. Это состояние было испытываемо Пьером прежде, но никогда с такой силой, как теперь». Веру в жизнь вернуло ему знакомство с Платоном Каратаевым.

Пленный солдат, простой русский мужик Платон Каратаев — воплощение того патриархального крестьянского мировоззрения, которое со временем нераздельно овладеет Толстым. «Пьер узнал не умом, а всем существом своим, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка». Платона ничем нельзя утратить и ничто не может сделать его несчастным, так мало значения он придает материальным благам, и так безгранично, без видимого стеснения для себя он может сужать свои потребности. Поражает Пьера сведение к минимуму личной индивидуальности в мыслях, словах, верованиях Платона. Он всегда и во всем ощущает себя частицей породившей и воспитавшей его среды. Отсюда его любовь ко всем людям, опять-таки не личная любовь, как предпочтительная привязанность к кому-либо или к чему-либо, а любовь как естественное состояние человека — частицы к людям — целому.

Влияние Платона Каратаева оставило глубокий след в душе Пьера Безухова. Каратаев на всю жизнь остается для него нравственным маяком. В эпилоге романа Пьер назван одним из руководителей тайного общества. Но и тогда его не перестает интересоваться вопрос, а что в этом случае сказал бы Платон. «Как бы? Одобрил бы тебя теперь?» — спрашивает Наташа мужа. «Он не понял бы, а впрочем может быть, что да», — ответил Пьер.

Сюжетная часть романа-эпопеи «Война и мир» заканчивается сном Николеньки Болконского. Николенька видит себя впереди огромного войска рядом с отцом и Пьером. Он мечтает повторить подвиг Муция Сцеволы и быть достойным людей Плутарха. Толстой этим и завершает свое грандиозное повествование, тем самым как бы перебрасывает мостик к новой драматической странице

истории. Позднее Толстой еще раз возвратится к роману о декабристах. Но этот замысел так и останется нереализованным.

«Анна Каренина»

В начале семидесятых годов Толстой задумал написать новый исторический роман. Он стал разыскивать и изучать различные материалы о Петре I и его времени. По сообщению его секретаря Н. Н. Гусева, сохранилось «тридцать три варианта не имевших продолжения начал романа из времен Петра I». Но этот замысел так и остался неосуществленным. Слишком трудным показалось Толстому проникновение в душевный мир человека той далекой эпохи, разочаровала его личность самодержца, вначале восхищавшая его, а главное, властно потянула к себе современная писателю жизнь.

4 января 1872 года на ближайшей от Ясной Поляны железнодорожной станции Ясенки бросилась под колеса товарного поезда Анна Степановна Пирогова, знакомая Толстым экономка владельца соседнего имения помещика Бибикова. Этот взволновавший Толстого факт послужил ему толчком для создания нового романа, получившего название «Анна Каренина».

К осуществлению замысла Толстой приступил с необычайным подъемом и в очень короткий срок его вчерне закончил. Однако и в этом случае в процессе работы над произведением раздвигались и углублялись первоначальные представления автора о теме. В итоге роман «Анна Каренина» потребовал от автора пяти лет упорного труда и был закончен лишь в 1877 году. Правда, процесс создания этого произведения не был непрерывным. Работая над романом из современной жизни, автор не только писал, но и активно откликался на ее настоятельные требования. Так, он в широких масштабах организовал помощь голодающим крестьянам в Самарской губернии, составил «Азбуку», писал статьи в защиту нового метода начального обучения, способствовал расширению сети народных школ, хлопотал о создании в Ясной Поляне учительской семинарии.

На подступах к новому роману Толстой заново перечитал Пушкина. Ранее, в период создания «Детства» и «Отрочества», проза великого поэта казалась ему уста-

релой — «не слогом, но манерой изложения». Теперь же, спустя двадцать лет, он восторгается совершенством пушкинского стиля: «Многому учусь у Пушкина, он мой отец». Одно из неоконченных пушкинских произведений начинается словами: «Гости съезжались на дачу». Это наводит Толстого на мысль начать «Анну Каренину» такой же простой и емкой фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

В семидесятых годах душевное состояние Толстого было неровным. Подъем творческой активности порой сменялся такими периодами депрессии, что пропадало желание жить и приходили мрачные мысли о смерти. Все это, как и многое другое, находило отражение в романе, над которым он в ту пору работал.

«Анна Каренина» — остро злободневный социально-психологический роман, созданный на материале переломной эпохи, когда на смену старому крепостному праву складывался новый буржуазный порядок. Коренная ломка экономических и правовых отношений сопровождалась изменением моральных устоев и нравственных понятий, усиливая разрушение патриархальных представлений о семье. Новое, буржуазное во многом оказывалось хуже традиционно сложившегося старого. Все это волновало Толстого.

«...Трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов», — писал В. И. Ленин, цитируя слова Константина Левина: «У нас теперь все это переверотилось и только укладывается»*. Вместе с тем Ленин отмечает отсутствие у Толстого конкретно-исторической оценки эпохи: «Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения „вечных“ начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого („переверотившегося“) строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов»**.

Заглавная проблема, т. е. та, с которой связано название произведения, — проблема семьи и положение женщины в семье и обществе — была не новой в русской литературе. Тема женской эмансипации, выдвинутая на одно из первых мест Герценом и Белинским еще в сороковых

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.

** Там же, с. 101.

годах, в дальнейшем уже не сходила со страниц художественных произведений. Какое место занимала женщина в социально-исторических представлениях революционных демократов, можно судить по роману Чернышевского «Что делать?» В знаменитом четвертом сне Веры Павловны положение женщины в обществе — определяющий показатель уровня общечеловеческой цивилизации и отличительный признак той или иной исторической формации.

Внимание к женскому вопросу не явилось плодом свободной фантазии писателей, а было отражением и насущного требования времени, и реального исторического движения, принимавшего со временем все более глубокое содержание и все более широкий размах. В семидесятые годы передовые русские девушки уже настойчиво стучались в двери высших учебных заведений, пополняли ряды революционеров, становились участниками революционных процессов и жертвами полицейских расправ. В переломную послереформенную эпоху в литературе обостряются споры о роли женщины в семье и обществе. Наряду с активными поборниками женского равноправия выступали и ярые ее противники. Близкий Толстому Н. Н. Страхов в статье «Женский вопрос» высказывался в том смысле, что это надуманный вопрос, что для женщины вполне достаточно ее естественного материнского призвания, забот о муже и семье. Что же касается требования предоставления женщинам прав и возможностей заниматься другого рода деятельностью, то эти права и занятия нужны лишь тем женщинам, которые не сумели выйти замуж. «На случай крайности, в виде исключения, в виде неизбежного зла — можно женщинам вступать на неженские поприща. Но видеть в этом что-либо желательное и всячески толкать женщин на несвойственные им пути было бы нелепо и вредно».

Примерно этого же взгляда придерживался и сам Л. Н. Толстой. Нерушимость семейного очага для него обязательное условие здоровых общественных отношений, которые, увы, продолжают сохраняться только в патриархальной народной среде. Классы же, испорченные цивилизацией, считает писатель, утратили понятие нерасторжимости брака и святости семьи. Рождение и совместное воспитание детей — эта естественная цель брачных отношений в современном образованном обществе — все более уступает место жажде пошлых удо-

вольствий и ведет к разврату. В период, когда все старое и привычное рушится и разламывается с необыкновенной быстротой, великим писателем овладевает страстное желание противодействовать гибельному процессу.

...Анна Каренина, обаятельная женщина, верная жена и любящая мать, увлекается блестящим гвардейским офицером Алексеем Вронским. Она изменяет мужу, оставляет сына и уходит к Вронскому. Но этот путь не ведет к счастью. Ей доставляет страдание разлука с сыном. Человек прямой и искренний, она не может не испытывать своей неправоты перед мужем. И та ненависть к Каренину, которую она старается вызвать в себе, ее стремление обвинить мужа в том, что случилось с ней, как раз и свидетельствуют о трагической запутанности душевного состояния Анны. Вронский видит выход в юридическом закреплении их отношений. Но для этого необходимо, чтобы Каренин согласился на развод и взял вину на себя, т. е. заявил бы на суде, что он совершил прелюбодеяние, а для этого Алексей Александрович не только должен был солгать и совершить клятвопреступление, но и, в соответствии с законами того времени, лишиться права вступать во вторичный брак. Анна чувствовала, что она не имеет права требовать от Каренина такой жертвы. И тем безысходнее представлялось ее будущее.

Светское общество, погрязшее в лицемерии и тайном прелюбодеянии, отвергает Анну, не хочет простить брошенного ею открытого вызова ханжеству. Анну осуждают те, которые были безгранично ниже ее. Ее обвиняют не в том, что она изменила мужу, а в том, что она отказалась лгать.

В борьбу против Анны включилась и церковная нравственность. Вначале Алексей Александрович Каренин хотел отдать сына Анне. Он изменил свое решение под влиянием графини Лидии Ивановны. Эта восторженно влюбленная в Каренина ханжа убедила его, что отдать воспитывать ребенка матери, нарушившей христианскую заповедь верности мужу, значит, совершить грех. Алексей Александрович легко согласился с этими доводами, потому что они как нельзя больше устраивали его. Он соглашался расстаться с сыном, так как не находил логических оснований поступить иначе. Теперь эти основания были подсказаны. Свое мелкое злобное чувство мести он прикрывал высокими словами о христианском долге.

Отказывая матери в праве на ее ребенка, Каренин это продиктованное злобой и мстительностью решение объявил христианским делом.

Ханжество и лицемерие, бездушие и педантизм выражают сущность Каренина. Эти черты не только обусловлены свойствами его натуры, они производные от социальных условий его жизни. Создавая этот образ, автор как бы воспроизводит формообразующее воздействие среды на человеческую личность. Алексей Александрович — образцовый бюрократ. Каренин по-своему честен и принципиален. «Соображения родства не могут остановить его в высказывании своего искреннего мнения». Анна «знала эту черту в своем муже и любила ее». Он не берет взятки, не потворствует подхалимам, не пользуется служебным положением ради личного обогащения, т. е. представляет не правило, а скорее исключение в том чиновном мире, для которого все это составляет основу существования. И тем не менее Каренин типичен и как тип глубоко воплощает в себе специфические особенности характера, обусловленные общественным положением лица.

Толстой редко прибегает к аллегории, не пользуется гротеском, гиперболой — коренными средствами сатирического письма. Его способ «срывания всех и всяческих масок» иной. Создавая конкретный художественный образ, автор «Анны Карениной» не преувеличивает уродливости отраженного в нем социального зла, берет не крайние, а скорее умеренные формы его индивидуального проявления. Тем неотразимее и глубже поражается его не случайная, а обязательная родовая порочность. Великий писатель не один раз ставит своего героя в такие ситуации, в которых он оборачивается к читателю лучшей стороной. Когда жизнь Анны находилась в опасности, Каренин не только простил ей свои обиды «и жалел ее страдание и раскаяние», но оказался способным проявить великодушие к Вронскому и испытывать нежность к его дочери. «Сначала он из одного чувства сострадания занялся тою новорожденною девочкой, которая не была его дочь и которая была заброшена во время болезни матери и, наверное, умерла бы, если б он о ней не позаботился,— и сам не заметил, как он полюбил ее».

Сама Анна уже в ту пору, когда у Каренина «выросли уши», т. е. когда она, полюбив Вронского, утратила

объективность отношения к мужу, признает: «Все-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере». О доброте Каренина Анна твердит в горячем бреду, а придя на минуту в сознание, «она обняла его плешившую голову, подвинулась к нему и с вызывающею гордостью подняла кверху глаза.— Вот он, я знала».

Однако Анна, может быть, еще более права и тогда, когда говорит о муже: «Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится». Общественное положение Каренина обязывает его поступать в соответствии с правилами, принятыми в том кругу, к которому он принадлежит. Так, простив жену и Вронского, полюбив чужого ребенка, «Алексей Александрович чувствовал себя совершенно спокойным и согласным с собою и не видел в своем положении ничего необыкновенного, ничего такого, что бы нужно было изменить».

Но чем более проходило времени, тем яснее он видел, что, как ни естественно теперь для него это положение, его не допустят остаться в нем. Он чувствовал, что, кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще более властная сила, которая руководила его жизнью, и что эта сила не даст ему того смиренного спокойствия, которого он желал».

Неспособность противостоять этой силе Каренин почувствовал не сейчас. Она давно подчинила его и превратила в человека-машину, направляющую поток сложных и противоречивых явлений жизни в русло житейски выверенных и утвержденных правил. Каренину тем труднее постичь законы истинных человеческих отношений, что он всю жизнь «прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее».

Каренин трудолюбив. «Каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и распределена». Анна знала, «что, несмотря на поглощавшие почти все его время служебные обязанности, он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере. Она знала тоже, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие

этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом все читать».

Постоянная приверженность Каренина к внешнему заслоняет ему истинный смысл жизни и поражает бесплодием даже те административные его начинания, которые предполагают благоую цель. Так, Алексей Александрович активно вступился за незаконно притесняемых инородцев* и формально довел дело до конца. Но так как его интересовали не человеческие нужды, а лишь юридическое оформление законности, то он даже не заметил, что противная партия так повернула дело, что люди, в защиту которых он выступил, не получили ничего. Формальный склад ума и характера проявляется явно осязательным элементом мертвящей безжизненности в сфере личных, семейных отношений. Как ни пристрастно судит Анна, обвиняя мужа во всем случившемся с ней, однако есть доля истины и в ее словах. Этот «безупречный» семьянин лишен сердечности и не излучает тепла.

Жизнь Анны становится трагедией. Для нее нет выхода. Единственная оставшаяся ей опора — любовь Вронского — начинает колебаться. Она хочет, чтобы Вронский отвечал ей всеобъемлющим и всеохватывающим чувством, исключаящим все другие интересы и привязанности. Анна делается требовательной, раздражительной, ревнивой. Ей кажется, что Вронский ее уже не любит.

Предупреждая охлаждение его чувства к ней, мстя ему за страдания, в которых она винит его, не видя для себя никакого выхода, она обрывает свою жизнь под колесами товарного вагона.

Эпиграфом к роману Толстой взял слова из Библии: «Мне отмщение, и аз воздам». Суть его истолковывалась по-разному. Сам автор, отвечая на вопросы читателей, отвергал церковную расшифровку этого выражения и высказывался в том смысле, что человек отвечает за свои поступки перед судом своей совести. Тем самым Толстой не только не признает за другими людьми права на осуждение Анны, но отказывает в этом праве и самому себе.

---

* Инородцами в царской России официально именовались национальные меньшинства.

Казалось бы, общий взгляд Толстого на женскую эмансипацию должен был привести автора к порицанию героини. Но мудрый сердцевед Толстой не мог не видеть, насколько жизнь сложнее всяческих схем, а тем более предвзятых общих представлений. Да, Анна, по понятиям автора, преступила нравственный закон. Но только собственная совесть правомочна обвинить и покарать ее. Эпиграфом к роману автор предостерегает от поверхностных, пристрастных, необдуманных суждений и взывает к человечности, как непогрешимому мерилу людских поступков и заблуждений.

Трагическая судьба Анны задевает своим мрачным крылом и Алексея Вронского. До встречи с Карениной Вронский принадлежал к золотой петербургской молодежи. Богатый и беззаботный гвардейский офицер живет, сообразуясь с мнением того светского общества, к которому он принадлежит. Он выработал для себя свод правил, которые «несомненно определяли,— что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно,— что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, что обманывать нельзя никого, но мужа можно,— что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т. д.». Вронский не задумывался, хороши или плохи, нравственны или безнравственны эти правила. Он знал, что они соответствуют понятиям высшего общества, и, твердо следуя им, вел легкую и приятную жизнь.

Встреча с Анной пробудила в нем лучшие человеческие качества, заглушенные воспитанием и средой. Любовь к Анне поставила перед ним вопросы и требовала решений, не предусмотренных светским кодексом. Соображения честолюбия и карьеры уступают место подлинной большой любви. Конец Анны означал конец и жизни Вронского. Вронский не стреляется: один раз он уже делал это. Он отправляется добровольцем на сербскую войну и погибает там.

На войну он идет не потому, что горит желанием помочь братьям-славянам в их национально-освободительной борьбе. Хотя, конечно, этот мотив имеет место и исключать его ни при каких обстоятельствах нельзя. Однако главным побудительным стимулом, заставившим его принять такое решение, было отсутствие желания жить. Жизнь ему стала невыносимо тяжела, и он рад был пожертвовать ее на благое дело. «Я рад тому,— сказал Вронский,— что есть за что отдать мою жизнь,

которая мне не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится». Он старался вспомнить Анну «такою; какою она была тогда, когда он в первый раз встретил ее на станции, таинственной, прелестной, любящей, ищущей и дающей счастье, а не жестоко-мстительною, какою она вспоминалась ему в последнюю минуту. Он старался вспомнить лучшие минуты с нею; но эти минуты были навсегда отравлены. Он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому ненужного, но неизгладимого раскаяния». Так и на Вронского распространяется роковой смысл эпитафия: «Мне отмщение, и аз воздам».

«Чтоб произведение было хорошо,—говорил Толстой,—надо любить в нем главную, основную мысль. Так, в «Анне Карениной» я люблю мысль семейную». Очевидно, что в таком большом проблемном романе автор не ограничил выражение любимой мысли раскрытием переживаний Анны и Вронского. Равно как из этого высказывания не следует, что в романе нет других проблем, которые бы так же глубоко не волновали Толстого. Вторая и главная половина фразы, с которой начинается роман: «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», раскрывается показом неблагополучия не в одной, а по крайней мере в трех семьях.

«Все смешалось в доме Облонских», потому что жена случайно узнала о предосудительных отношениях мужа с гувернанткой. Но его измена была не случайным эпизодом, а прямым следствием праздного образа жизни и буржуазных нравов.

Толстой не устает утверждать, что жизнь людей, протекающая вне естественного трудового процесса, оторванная от народа, от насущных нужд, неизбежно пуста и бессодержательна. Брат Анны, Степан Аркадьевич Облонский, праздный эпикуреец, рассматривающий свою жизнь всецело сквозь призму доставляемых ею удовольствий, безнравственность и беспринципность возводит в своего рода идеал. Врожденные доброта и добродушие в нем прекрасно уживаются с аморальностью и цинизмом. Так, он искренне сокрушается, что причинил жене страдание, и дает себе слово впредь изменять ей так, чтобы она ничего не узнала. Степан Аркадьевич мог озадачить либеральной фразой: «Если уже гордиться породой, то не следует останавливаться на Рюрике и отrekаться от первого родоначальника — обезьяны». Но он

потому и мог позволить себе такую шутку, что «не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал форму шляпы или сюртука, а брал те, которые носят».

Вся тяжесть воспитания детей Облонского падает на его жену, которая делает героические усилия, чтобы сохранить семью от распада и привить детям здоровые нравственные начала. Она трогательна и прекрасна в своем трагическом единоборстве. С той же симпатией изображает Толстой ее сестру Кити, жену Константина Левина.

Из всех персонажей романа наиболее близок автору Константин Левин. Этот образ во многом автобиографичен. Вопросы, которые волнуют его, волновали самого Толстого в ту пору, когда он создавал роман. Левин на страницах романа пережил сложную душевную эволюцию. Помещик с университетским образованием, человек здоровый физически и нравственно, Левин пытается по-новому организовать хозяйство. Вводит на своих полях более усовершенствованную систему земледелия, выписывает сельскохозяйственные машины, заводит породистый скот. На пути культурного преуспевающего землевладельца встречаются непредвиденные трудности, которые тормозят его агротехнические начинания: Левин сталкивается с выработанной веками крепостной неволи косностью русского мужика. На помещичьих полях теперь работает не крепостной крестьянин, а вольнонаемный батрак. Но мужику по-прежнему чужды интересы помещика, как и раньше, он пассивно и нехотя работает на чужом поле.

Левин мечтал устроить свою семейную жизнь на тех патриархальных основаниях, которыми руководствовались его родители и которая ему казалась идеалом всякого совершенства. «Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье». Поэтому полученный отказ воспринимался им как крушение. И лишь весеннее возрождение природы врачует глубокую душевную

травму Левина и возвращает его в нормальную трудовую колею. «Весна — время планов и предположений. И, выйдя на двор, Левин, как дерево весной, еще не знающее, куда и как разрастутся его молодые побеги и ветви, заключенные в налитых почках, сам не знал хорошоенько, за какие предприятия в любимом хозяйстве он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших».

Чем больше входит Левин в круг сельскохозяйственных забот и дел, тем больший смысл в его глазах приобретает простая крестьянская жизнь. Физический труд не только успокаивает, избавляет от раздражения, но и способствует воспитанию мироощущения, чуждого умственной деятельности, не подкрепленной велениями сердца, а потому бесплодной и ненужной.

Осуждение бесполезности формализма в романе дано не только в показе практической бесплодности чиновно-административной деятельности Каренина, но и в сфере интеллектуального труда таких уважаемых Левиным людей, как его единоутробный брат знаменитый ученый Кознышев.

«Константин Левин смотрел на брата, как на человека огромного ума и образования, благородного в самом высоком значении этого слова и одаренного способностью деятельности для общего блага. Но в глубине своей души, чем старше он становился и чем ближе узнавал своего брата, тем чаще и чаще приходило ему в голову, что эта способность деятельности для общего блага, которой он чувствовал себя совершенно лишенным, может быть и не есть качество, а, напротив, недостаток чего-то — не недостаток добрых, честных, благородных желаний и вкусов, но недостаток силы жизни, того, что называют сердцем, того стремления, которое заставляет человека из всех бесчисленных представляющих путей жизни выбрать один и желать этого одного. Чем больше он узнавал брата, тем более замечал, что и Сергей Иванович и многие другие деятели для общего блага не сердцем были приведены к этой любви к общему благу, но умом рассудили, что заниматься этим хорошо, и только потому занимались этим. В этом предположении утвердило Левина еще и то замечание, что брат его несколько не больше принимал к сердцу вопросы об общем благе и бессмертии души, чем о шахмат-

ной партии или об остроумном устройстве новой машины».

Все это вместе взятое: и неустроенность личной жизни, и социальные противоречия, и сознание, что люди его класса живут не так, как нужно, приводит Левина к далеко идущим размышлениям.

Однажды Левину пришлось выехать в имение сестры, где мужики присвоили часть причитавшегося помещице сена. Наблюдая в течение дня бодрый веселый труд крестьянской общины, беседуя с знакомым умным мужиком, увидев счастье его сына, крепкого молодого парня, работавшего с такой же здоровой и счастливой молодой женой, Левин глубоко задумался и сопоставил себя с этим молодым крестьянином. Оказалось, что все преимущества, которые были на стороне Левина: богатство, образование, комфорт, не давали главного. Счастлив был не раздражаемый сомнениями образованный помещик Левин, а простой, вероятно, неграмотный крестьянский парень, который живет бездумно, подчиняясь велениям сердца и тем вечным простым и мудрым законам, по которым живет трудовой мир, частью которого тот себя чувствует. «Левину в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которую он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь». Он ясно представил себе выход: «Отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему ненужного образования...

Простоту, чистоту, законность этой жизни он ясно чувствовал и был убежден: что он найдет в ней то удовлетворение, успокоение и достоинство, отсутствие которых он так болезненно чувствовал».

Оставить имение, приписаться к крестьянской общине, жениться на крестьянке и жить трудовой жизнью простого мужика — вот решение, к которому пришел Левин. Как практически осуществить его, он еще себе не представлял и уяснение этого вопроса отложил на утро. Но в эту же ночь он повстречался с Кити, и эта внезапная мимолетная встреча перечеркнула его мечты. Мысль о женитьбе на крестьянке стала казаться пошлой. Левин был еще не готов для такого решительного шага, как еще не готов был к уходу из Ясной Поляны автор романа Лев Толстой.

Давняя мечта Левина осуществилась. Он женится на Кити, становится заботливым мужем и любящим отцом. И все же не получилось безоблачного семейного счастья, которое бы его удовлетворило полностью. Сомнения и тревоги лишь временно покинули Левина, но не ушли совсем. Поиски смысла и цели жизни не прекратились с устройством благоустроенного семейного гнезда.

Левина не перестало тревожить сознание социальной несправедливости. Его тревожат и нищенские земельные наделы деревенской бедноты, и экономическое оскудение дворянства. Ему глубоко противен тип преуспевающего кулака и промышленника. Его не восхищает ни новый пореформенный суд, ни земство, на которое возлагают большие надежды либеральные деятели. Ему противна праздность и развращенность светского общества. Все чаще его посещает вначале смутное, а потом все более определенное чувство несправедливости «своего избытка в сравнении с бедностью народа». Он начинает писать книгу о новом способе ведения хозяйства, но оставляет и это увлечение, как только осознает, что это не решение волновавших его вопросов, а лишь попытка заглушить сомнения и уйти от них.

В поисках мучительного разлада с самим собою Левин обратился к философии. Мысли философов и рассуждения, которые Левин придумывал и опровергал, казались ему плодотворными, пока он не покидал сферы отвлеченностей. Но стоило ему вернуться от абстрактных рассуждений к волновавшим его насущным требованиям жизни, как сразу же оказывалось, что «вся эта искусственная постройка заваливалась, как карточный дом, и ясно было, что постройка была сделана из тех же перестановленных слов, независимо от чего-то более важного в жизни, чем разум».

Сомнения порой с такой силой овладевали Левиным, что жизнь начала казаться ему насмешкой, избавиться от которой могла только смерть. «И счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Но Левин не застрелился, и не повесился и продолжал жить».

В конце романа автор намечает для Левина выход из тупика, в который тот зашел в поисках ответа на во-

просы: как жить и зачем жить? Крестьянин Федор, осуждая мироеда, говорит, что Митюха «только брюхо» набивает», а правдивый старик Фоканыч не «станет драть шкуру с человека», он «для души живет». Эти слова врезались в сознание Левина и осветили ему предстоящий путь. Отныне он будет жить не для брюха, а для души. Это не просто итог философских и нравственных исканий литературного героя, но и обозначение перелома, который тогда намечался в мировоззрении самого Толстого.

Восьмидесятые годы

В конце семидесятых в начале восьмидесятых годов в мировоззрении Толстого произошел перелом. «Со мной случился переворот,— писал Толстой,— который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне». Толстого давно уже тяготило чувство вины перед народом за материальные излишества и физическую праздность, в которых жили он и его семья. Теперь он пришел к окончательному выводу, что такая жизнь безнравственна, что дальше за чужой счет жить нельзя. Нужно отдать землю крестьянам и перестроить на трудовой основе существование своей семьи.

Осуществление этих намерений вызвало решительное сопротивление жены. Толстой оказался вынужденным мириться с тем, что он считал несправедливостью и злом. Но, не теряя надежды убедить своих близких собственным примером, он пашет землю, работает в саду, шьет сапоги, ограничивает себя в расходах на одежду и питание.

Когда пришла пора вывозить старшую дочь в свет, а сыновей учить в университете, Толстой идет на временный компромисс. Он переезжает на несколько лет из Ясной Поляны в Москву, но и там продолжает заниматься физическим трудом. Сам убирает свою комнату, возит с реки воду, пилит дрова. С новой болью воспринимает Толстой нищету и страдания людей, несправедливость и жестокость государственной власти. «Он посещал тогда,— писала Софья Андреевна,— тюрьмы и остроги, ездил на волостные и мировые суды, присутствовал на рекрутских наборах и точно умышленно искал везде страдания людей, насилия над ними и с горячностью

сердца отрицал весь существующий строй человеческой жизни, все осуждал, за все страдал сам и выражал симпатию только народу и соболезнование всем угнетенным».

В соответствии со своими новыми взглядами Толстой разрешил всем желающим безвозмездно переиздавать его произведения, написанные после 1880 года, оставив за женой исключительное право издания только тех его произведений, которые были написаны до 1880 года. В конце жизни Толстой написал завещание, в котором объявил общественным достоянием все, когда бы то ни было написанное им.

В конце 1885 года Толстой писал жене: «...Я почти десять лет тому назад пришел к тому, что единственное спасение мое и всякого человека в жизни в том, чтобы жить не для себя, а для других, и что наша жизнь нашего сословия вся устроена для жизни для себя, вся построена на гордости, жестокости, насилии, зле и что потому человеку в нашем быту, желающему жить хорошо, жить с спокойной совестью и жить радостно, надо не искать каких-нибудь мудреных далеких подвигов, а надо сейчас же, сию минуту действовать, работать, час за часом и день за днем, на то, чтобы изменять ее и идти от дурного к хорошему; и в этом одном счастье и достоинство людей нашего круга...»

В поисках выхода Толстой обращается к религии. Какое-то время ему кажется, что он нашел путь к истине. Но этот самообман продолжался недолго. Углубленное изучение христианства с новой силой обостряет его душевное смятение. В трудах по истории религии: «Исследование догматического богословия», «Церковь и государство», «Соединение и перевод четырех евангелий» Толстой наносит сокрушительные удары церкви и поддерживаемому ее авторитетом государству. Он доказывает, что церковь и государство в России, как и в других странах, составляют преступный союз, главная цель которого — угнетение и обман народа. Христианских государей Толстой называет разбойничьими атаманами, а служителей церкви их подбострастными пособниками, готовыми освятить, объявить богоугодными любые преступления властей: «...Все они помазаны, и все, все от бога. Если какой злодей пограбит всех, побьет много народа, они его помажут — он от бога. У нас мужеубий-

ца, блудница* была от бога, у французов — Наполеон. А попы зато — не только уж от бога, но почти сами боги, потому что в них сидит дух святой. И в папе, и в нашем синоде с его командирами чиновниками».

Толстой не посягал на саму идею христианского смирения и обвинял церковников в искажении ее. Противоречие между учением о непротивлении злу насилем и трезвым обличением церковной фальши Толстой не преодолел до конца своей жизни. И это во многом предопределило трагедию его последних дней.

Критически переоценивая всю свою прошедшую жизнь, Толстой на какое-то время охладевает к своим художественным произведениям. В восьмидесятых годах он создает ряд религиозно-философских трактатов и публицистических статей, в которых излагает, обосновывает и отстаивает свое новое мировоззрение: «Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать?».

«Я отрекся,— пишет Толстой в „Исповеди“,— от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей. Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает ей».

Простой трудовой народ, взгляд которого Толстой уяснил и признал единственно верным, было многомиллионное русское крестьянство, с его ненавистью к господствующим классам и буржуазным государственным учреждениям. Выражая умонастроения этого трудового народа, великий писатель в последний период своей жизни «обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»**.

Вместе с силой народного гнева Толстой воспринял и оградил ограниченность патриархального крестьянского

---

* Екатерина II.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 40.

мировоззрения. «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы» *. Отсюда утопичность предлагаемой Толстым нравственно-религиозной программы общечеловеческого возрождения.

Царская цензура, всячески мешавшая публикации художественных произведений великого писателя, тем более препятствовала распространению его крамольной публицистики. Но заглушить голос великого писателя она была не в силах. Призыв Толстого к добру и справедливости был услышан не только на родине, но и в других странах. «Доброта, ум, абсолютная правдивость этого великого человека, — писал Ромен Роллан, — делали его для меня самым надежным проводником в нравственной анархии нашего времени».

Сознание, что жизнь в современном обществе построена неправильно, что так жить нельзя, не только определило содержание публицистики Толстого, но сделалось основным мотивом в его художественном творчестве восьмидесятых годов. С наибольшей полнотой оно выразилось в повести «Смерть Ивана Ильича» — центральном произведении этого времени.

Жизнь Ивана Ильича — обыкновенная жизнь обыкновенного преуспевающего чиновника. Это обстоятельство особенно подчеркивается автором. Иван Ильич успешно окончил курс в привилегированном учебном заведении и уже там «был тем, чем он был впоследствии всю свою жизнь: человеком способным, весело-добродушным и общительным, но строго исполняющим то, что он считал своим долгом; долгом же он своим считал все то, что считалось таковым наивысше поставленным людьми. Он не был заискивающим, ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он, как муха к свету, тянулся к наивысше поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения».

Ни в службе, ни в личной жизни Иван Ильич никогда не впадал в крайности, всегда и во всем поступал с общепринятыми и одобряемыми в его кругу правилами. Ему доводилось совершать дурные поступки, но так как

---

* В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.

они не выходили из рамок дозволенного и в глазах окружающих были обычными, Иван Ильич не замечал их предсудительности и не задумывался над этим. На службе он быстро усвоил прием «облечения всякого самого сложного дела в такую форму, при которой бы дело только внешним образом отражалось на бумаге и при котором исключалось совершенно его личное воззрение и, главное, соблюдалась бы вся требуемая формальность».

Личная жизнь Ивана Ильича тоже банальна для людей его положения. Он женился на девушке, которая ему нравилась и брак с которой «наивысше поставленные люди считали правильным». Семейная жизнь принесла не только радости, но от домашних огорчений Иван Ильич сумел отгородиться службой. Его радовало сознание своей власти, мастерство ведения дел. Жизнь Ивана Ильича, наполненная службой, общением с приятелями и вистом, «продолжала идти так, как он считал, что она должна была идти: приятно и прилично».

Случайное обстоятельство нарушает привычную жизнь. Иван Ильич нечаянно упал и ушибся. В итоге: тяжелая мучительная болезнь и преждевременная смерть. Сознание близкого конца заставляет Ивана Ильича по-новому взглянуть на все пережитое им. И он начинает все более ясно понимать, как бессмысленно и в каком отчуждении он жил. «Когда он увидел утром лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора,— каждое их движение, каждое их слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Он в них видел себя, все то, чем он жил, и ясно видел, что все было не то, все это был ужасный огромный обман». Этот безрадостный итог подтверждает реакция жены, детей и сослуживцев на смерть Ивана Ильича: эгоистическое равнодушие, прикрытое маской лицемерного сочувствия, господствует в сцене прощания с покойным. Буфетный мужик Герасим был единственный человек, который не лгал умирающему и жалел его. И только в нем одном Иван Ильич находил облегчение своим страданиям.

Вслед за «Смертью Ивана Ильича» Толстой создает повесть «Крейцерова соната», в которой снова говорит о неблагополучии буржуазного общества, сосредоточив на этот раз все внимание на порочности семьи, лишенной трудового нравственного начала и построенной все-

цело на жажде чувственных наслаждений. В решении семейной проблемы Толстой здесь впадает в крайность. Устами Позднышева он проповедует идеал аскетического воздержания и не оспаривает его.

Противоборством чувственному началу проникнута другая повесть «Дьявол», так и оставшаяся неоконченной. Однако и в том и в другом произведении главным остается социальный аспект проблемы. Гипертрофированная чувственность и разврат определяются автором как следствие праздности, всевозможных излишеств, невоздержанности, моральной деградации, царящих в буржуазном обществе.

В восьмидесятых годах Толстой обращается к драматургии. Он создает две пьесы: драму из народной жизни «Власть тьмы» и комедию «Плоды просвещения». Как по сюжету и жанру, так и по изображаемому в них социальным пластам это различные произведения. А между тем они связаны единой авторской задачей. Идеализируя патриархальное начало народной жизни, Толстой не закрывал глаза на деревенскую отсталость. И вот теперь, когда в деревню проникло развращающее влияние города, темные силы, прежде скованные патриархальным мировоззрением, выходят из подчинения. Жажда наживы и чувственных удовольствий заглушает совесть, ведет к преступлению. Такова трагедия русской деревни при капитализме, названная Толстым «властью тьмы». В комедии «Плоды просвещения» мужикам, подавленным «властью тьмы», противопоставлены живущие в городе «просвещенные» господа. Одни из них столь «просвещенны», что всерьез увлекаются спиритизмом, другие состоят членами общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак, общества устройства ситцевых и коленкорových балов...

Для распространения в народе книг, написанных в духе учения Толстого, в середине восьмидесятых годов последователями Толстого было создано издательство «Посредник». Для этого издания Толстой писал «народные рассказы»: «Чем люди живы», «Ильяс», «Где любовь, там и бог», «Упустишь огонь — не потушишь», «Много ли человеку земли нужно», «Два старика» и другие. Толстой сокрушался, что его романы и повести малодоступны народу и пока непонятны ему. Этим отчасти объяснялись возникавшие у него сомнения в целесооб-

разности его литературного творчества. Поэтому народные рассказы написаны в совершенно особом ключе. Это нравственно поучительные произведения, общедоступные по языку и содержанию, стилистически близкие к народному творчеству. В них автор утверждал красоту добрых чувств, говорил о любви, дружбе, взаимопомощи, правдивости, трудолюбии, трезвости.

Вся многообразная литературная деятельность писателя в восьмидесятые годы предшествовала созданию одного из величайших его произведений, в которой получили дальнейшее развитие волновавшие его проблемы. В девяностые годы был написан последний роман Толстого — «Воскресение».

«Воскресение»

Последний роман Толстого и является углубленным обобщением, итогом его нравственно-философских исканий и образным воплощением мировоззренческих проблем, как они представлялись ему в конце жизни. «Воскресение» — плод напряженного десятилетнего труда (1889—1899). Окончательный текст романа — это шестая редакция его. Вначале внимание автора всецело было приковано к теме преступления и наказания Нехлюдова, к нравственному возрождению интеллигентного дворянина и трагедии девушки из народа Катюши Масловой. В дальнейшем автор все более вживался в душевный мир своих героев, все более глубоко обдумывая те добавления и поправки, которые вносила в первоначальный замысел сама жизнь. Деятельное участие в помощи голодающим в 1891—1892 годах, сбор денежных средств для преследуемых церковью и правительством духовоборцов, посещение тюрем и знакомство с заключенными — все это в несравненно больших масштабах, чем прежде, сталкивало Толстого с жертвами православного полицейского государства. И все это нашло отражение в социальном полотне романа.

Последние годы работы писателя над новым романом совпали с революционным подъемом, переживаемым страной. Приближался 1905 год. Прежде автор «Войны и мира» проходил мимо темы революции. Лишь однажды, в шестидесятых годах, он дал тенденциозное изображение молодых разночинцев в антинигилистиче-

ской комедии «Зараженное семейство». Теперь в новом произведении, претендующем на глубокое раскрытие социальной жизни, обойти молчанием революционное движение было невозможно. Передовая Россия по-своему понимала воскресение народа. И Толстой впервые изобразил революционеров.

Все это вместе взятое определило окончательный текст романа. Идея воскресения человеческой личности всемерно углубляется и перерастает в идею нравственного воскресения всего человечества.

В последнем романе, написанном на склоне лет, художественное мастерство Толстого достигло новых вершин. В первом же абзаце, составленном всего из нескольких сложных предложений, уже сформулирована главная социально-философская мысль произведения, ради всеобъемлющего раскрытия которой автор и приступил к его написанию. Роман начинается так: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивавшуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».

Из начальных строк сразу же потянется сюжетная нить к главным героям произведения Масловой и Нехлюдову и одновременно к образному раскрытию социальной и нравственно-философской проблематики романа.

Толстой здесь развивает мысль для него не новую, но прочувствованную сейчас с небывалой прежде остротой. Законы и правила, по которым государство и церковь обязывают жить людей, несовместимы с законами, по которым живет природа и должен жить человек. Естественный закон природы извечен, мудр, справедлив. Он дает радость и объединяет людей во всеобщей гармонии любви и богатства. Приход весны — это всеобщее возрождение, победа тепла и света, дарующая счастье всему живому на земле. В этот солнечный день радуются и веселятся все — от растений до детей. Дети счастливы, ибо они еще не ведают иных законов, кроме того общего закона, по которому только и возможна жизнь.

Но люди, взрослые разумные люди, этим законом пренебрегли. Они создали свои правила, настроили тюрьмы, чтобы одни могли угнетать и наказывать других. Эти людские законы несправедливы, безнравственны. «Так, в конторе губернской тюрьмы считалось священным и важным не то, что всем животным и людям даны умиление и радость весны, а считалось священным и важным то, что накануне была получена за номером с печатью и заголовком бумага о том, чтобы к девяти часам утра были доставлены в нынешний день, 28-го апреля, три содержащиеся в тюрьме подследственные арестанты».

Художественный прием нагнетания отрицательных утверждений с тем, чтобы можно было сразу перекинуть мост к главной сокровенной идее произведения, ранее употреблялся Толстым. Впервые он был применен еще в 1859 году в рассказе «Два гусара», тоже начинавшегося очень сложной фразой, составленной из многочисленных перечислений признаков прошлого времени, исчезнувших вместе с ушедшим из жизни поколением. «В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссежных дорог, ни газового, ни стеаринового света, ни пружинных низких диванов, ни мебели без лаку, ни разочарованных юношей со стеклышками, ни либеральных философов-женщин, ни милых дам камелий, которых так много развелось в наше время...».

В этом длинном перечне разнообразных примет добуржуазной эпохи уже намечена основная идея произведения. В старые времена, когда еще не было перечисленных достижений несомненного материального прогресса и сомнительных преимуществ современной моды,

все было проще: и люди и нравы. Даже пороки не знавших удержу кутил теряют свою непривлекательность перед лицом мелочного благообразного меркантилизма. Граф Турбин, картежник, дуэлянт оставил о себе скандальную память, но он в добрую минуту приходил на помощь товарищу так же бескорыстно и бездумно, как не раздумывая ставил на карту свою и чужую жизнь. Теперь же, в век железных дорог и невиданных ранее удобств, когда на смену старому гусарству пришли делачество и расчет, сын давно убитого на дуэли Турбина громкого скандала не затеет, а будет спокойно обыгрывать старушку и делать мелкие пакости расчетливо и осторожно. И в этом скажется дух нового времени.

Композиционная находка, оправдавшая себя в небольшом рассказе, оказалась еще более выразительной в проблемном мировоззренческом романе, в котором беспощадному осуждению подвергаются все узаконенные нормативы: частная собственность, буржуазное государство, казенная церковь, социальное устройство, теория и практика судебных процессов, фальшь семейных отношений, лицемерная мораль и порочная нравственность.

Главный герой романа — князь Нехлюдов. Это имя уже не раз встречалось в произведениях Толстого: в рассказе «Утро помещика», в «Люцерне». Кроме того, Нехлюдовым назывались иногда герои других произведений, переименованные автором в процессе дальнейшей работы. И во всех случаях это были лица, близкие автору. В «Воскресении» Дмитрий Нехлюдов завершает галерею кающихся и ищущих смысла жизни дворян, в числе которых и Андрей Болконский, и Пьер Безухов, и Константин Левин. Дмитрий Нехлюдов стоит с ними в одном типологическом ряду, но вместе с тем и существенно отличен от них. Он живет в иное время, выражает новый этап мировоззренческой эволюции автора, решительнее порывает с классовой идеологией и дальше своих литературных предшественников идет по пути нравственного самоусовершенствования.

Жизнь Нехлюдова вначале складывалась как и у других подобных ему людей. Богатый и титулованный молодой человек, по природе добрый и отзывчивый, он поступает в университет, где увлекается «Социальной статистикой» Спенсера и, движимый благородными побуждениями, отдает крестьянам принадлежащую ему,

землю. В это время в имении своих тетушек он познакомился с их горничной Катюшей Масловой и между ними вспыхивает чувство чистой поэтической любви.

Через три года он снова встречается с Катюшей, но теперь Нехлюдов уже другой человек. «Тогда он был честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дело,— теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение».

«И вся эта страшная перемена,— говорит Толстой,— совершилась с ним только оттого, что он перестал верить себе, а стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного я». Нехлюдов соблазнил влюбленную в него Катюшу, сунул ей на прощание сто рублей и забыл о ней.

С этого начинается страшная трагедия крестьянки Масловой. Беременность, вынужденный уход от хозяйек, родильная горячка, во время которой ее ребенка увезли в воспитательный дом, где он и умер. Поступила в прислуги, но нигде долго удержаться не могла: отталкивали грязные приставания хозяев. Пришлось пойти на содержание к художнику, потом ее заставили взять желтый билет. Так она дошла до публичного дома, где, желая избавиться от измучившего ее развратного купца, дала ему сонные, как ее в том уверили, порошки. Ее обвинили в умышленном отравлении. В ходе судебного процесса стала очевидной несостоятельность предъявленного ей обвинения. Но по вине судьи, уже немолодого женатого человека, торопившегося на свидание с любовницей и потому не разъяснившего заседателям их обязанностей, Маслова была признана преступницей, не заслуживающей снисхождения, и приговорена к каторге.

Нехлюдов был одним из присяжных, совершивших роковую для подсудимой оплошность. На суде он впервые через много лет увидел Катюшу, был потрясен ее страшной участью и осознал тогда себя виновником всего происшедшего с ней. С этого дня начинается его нравственное возрождение.

Когда после суда Нехлюдов приехал к Корчагиным, у которых ему всегда было приятно, он неожиданно по-

чувствовал, что все в этом богатом доме противно ему, «начиная от швейцара, широкой лестницы, цветов, лакеев, убранства стола до самой Мисси, которая нынче казалась ему непривлекательной и ненатуральной». Нехлюдов почувствовал отвращение к себе и понял невозможность продолжать пустую, бесцельную и ничтожную жизнь. Он решил искупить свой грех перед Катюшей, выпросить у нее прощение и жениться на ней.

Маслову отправили по этапу в Сибирь. Нехлюдов следует за ней. Встречаясь с Масловой в тюрьме и на этапах, он становится свидетелем бесправия осужденных и жестокости начальства, развращающего влияния острожных порядков, мучения и гибели людей, часто ни в чем не виноватых. Для Нехлюдова становится очевидным, что причина зла не в отдельных людях, а в общем порядке, в забвении закона человечности.

Раздумывая о том, кто же виноват в убийстве арестантов, которых после многомесячного тюремного заключения заставили несколько часов стоять под палящим солнцем, Нехлюдов приходит к выводу, «что все эти люди — губернаторы, смотрители, околоточные, городовые — считают, что есть на свете такие положения, в которых человеческое отношение с человеком не обязательно. Ведь все эти люди — и Масленников, и смотритель, и конвойный, — все они, если бы не были губернаторами, смотрителями, офицерами, двадцать раз подумали бы о том, можно ли отправлять людей в такую жару и такой кучей, двадцать раз дорогой остановились бы и, увидев, что человек слабеет, задыхается, вывели бы его из толпы, свели бы его в тень, дали бы воды, дали бы отдохнуть и, когда случилось несчастье, высказали бы сострадание. Они не сделали это, даже мешали делать это другим только потому, что они видели перед собой не людей и свои обязанности перед ними, а службу и ее требования, которые они ставили выше требований человеческих отношений».

Чтобы облегчить положение Катюши на этапе, Нехлюдов добился, что ее перевели от уголовных к политическим. Личное знакомство с революционерами уничтожило бывшие у него раньше предубеждения против них. Он увидел высоко нравственных людей, честных, бескорыстных, готовых жертвовать всем во имя своих убеждений. Не все они одинаковы, и не ко всем одинаково относится Нехлюдов. Но мысль автора совершенно опре-

деленна. Не разделяя политических убеждений революционеров, Толстой признает нравственное величие этих людей и с полным сочувствием изображает их.

Для Масловой общение с революционерами было спасением и счастьем. «Таких чудесных людей, как она говорила, как те, с которыми она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себе и представить». Она, плакавшая, когда ее присудили, теперь готова была благодарить бога за то, что ей довелось узнать от них. «Она очень легко и без усилий,— говорит Толстой,— поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как человек из народа, вполне сочувствовала им. Она поняла, что люди эти шли за народ против господ; и то, что люди эти сами были господа и жертвовали своими преимуществами, свободой и жизнью за народ, заставило ее особенно ценить этих людей и восхищаться ими».

Нехлюдов и Маслова — главные герои последнего романа Толстого. Автор не только ставит рядом князя и крестьянку, но и позволяет женщине, прошедшей через публичный дом, одержать нравственную победу над образованным и гуманным князем, по человеческим достоинствам возвыситься над ним. Когда в начале романа Нехлюдов просит Катюшу простить его и выражает готовность жениться на ней, она не в состоянии забыть зло, причиненное ей.

«— Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть,— вскрикнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку.— Ты мной хочешь спастись,— продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось в ее душе.— Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне!»

Так говорит в Катюше нестерпимая боль, мучительная обида. Но вот последняя встреча в конце романа и последний разговор на ту же тему. Катюша вновь отказывает Нехлюдову и сообщает ему свое решение выйти замуж за политического Симонсона. И решение это она принимает из любви к Нехлюдову. Она всегда любила его и продолжает любить. Но понимает, что Нехлюдов делает ей предложение не из чувства любви, а потому что видит в этом свой долг. И она отказывает ему, чтобы не усложнять его жизнь. «И вам жить надо»,— говорит Катюша. Умная Марья Павловна объясняет Нехлюдову: «Видите ли, она, несмотря на ее прошедшее, по природе одна из самых нравственных на-

тур... и так тонко чувствует... Она любит вас, хорошо любит, и счастлива тем, что может сделать вам хоть то отрицательное добро, чтобы не запутать вас собой».

Интересно сопоставить отношение героев романа к богу. Если Нехлюдов в поисках истины постоянно обращается к Евангелию, Катюша не ищет спасения в боге. Интуиция гениального художника не позволила автору этот цельный народный характер рассиропить мотивами христианского покаяния. Масловой не в чем каяться. Ей впору не просить, а требовать справедливого отношения к себе. «Признаться, странное же было у писателя Льва Толстого христианство,— сказал Леонид Леонов.— Вера Толстого вела не в отшельнический затвор, не в пустыню эгоистического уединения от суетной житейской толкотни, а, наоборот, к деятельности на пользу ближних, во имя добра и мира, к простым людям — в том исчерпывающем сближении, к которому тянется всякая крупная, общественно-мыслящая личность».

В романе «Воскресение» Толстой еще раз вышел на поединок с церковью и нанес ей новый сокрушительный удар. Толстой не ограничился здесь развенчанием служителей церкви, но высмеял главное таинство христианства, обряд причастия. Заменяв торжественно-приподнятую лексику богослужения всем понятным простым обиходным словарем, писатель сорвал покров церковной символики и показал церковную службу во всем убожестве ее настоящей сущности.

«Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особой торжественностью».

В романе «Воскресение» церковь изображена союзницей и опорой полицейской власти в буржуазном государстве. Не удивительно, что духовенство и полиция

объединились в ненависти к Толстому. Священный синод объявил писателя еретиком и отлучил его от церкви. По расчету вдохновителей этого акта, верующие должны отвернуться от писателя. Но попы просчитались. «Святейший синод,— писал Ленин,— отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе...» *

Толстой не остался в позиции пассивного непротивления, а встретил отлучение во всеоружии. Он написал прозвучавший на весь мир «Ответ на определение синода», в котором еще раз подтвердил и аргументировал взгляд на церковь, как на институт духовного порабощения, сознательного обмана и нравственного развращения народных масс.

Роман «Воскресение» оканчивается нравственно-религиозной проповедью. Нехлюдов в евангельских заповедях ищет ответ на вопрос: «как жить и зачем жить?» Как сложится для него новая жизнь, автор не раскрывает, а ограничивается скупой репликой: «Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее». Эта незавершенность душевных поисков литературного героя закономерна. Путь к истине самого Толстого, продолжавшийся всю жизнь, так и остался незавершенным.

В девяностых годах Толстой углубленно занимался вопросами искусства. В 1897—1898 годах он написал научный трактат «Что такое искусство?», в котором выступил с критикой современного, особенно упаднического декадентского искусства. В своем отрицании театров, выставок, картинных галерей Толстой исходил из того, что в современном обществе девять десятых населения, и именно те, с кого берут деньги на строительство театров и содержание артистов, в театры не ходят, картинных галерей не посещают, симфонических концертов не слушают. При таком положении искусство превращается в праздную забаву богатых людей. Эта мысль нашла отражение и в романах «Анна Каренина» и «Воскресение». Нехлюдов, оставив службу, занялся живописью. Так же в свое время поступил и Вронский. Тот и другой завели роскошно обставленные мастерские. Поначалу казалось, что они в состоянии создать что-то значительное, но в дальнейшем вынуждены были признать свое

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

бессилие. Обрекая своих героев на творческое бесплодие, Толстой тем самым отрицает как дилетантизм в искусстве, так и возможность создания настоящего художественного произведения без глубокого внутреннего содержания его.

Уход Толстого

Начало двадцатого столетия Толстой встретил всемирно известным писателем в возрасте семидесяти двух лет. Он по-прежнему чутко прислушивался к ритму общественной жизни и продолжал творить. В сознании уже старого человека порой возникали картины прошлого, по-новому освещенные отблеском современности. Появляется одно из наиболее поэтических творений, замечательная повесть «Хаджи Мурат».

Основной мотив этого произведения прямо противоположен идеям пассивного непротивленчества. Здесь воспеты энергия и сила жизни, готовность до последнего дыхания бороться с врагом. В этом смысл сравнения главного героя повести с дикорастущим татарником. Для того чтобы сорвать этот яркий малиновый цветок, пришлось обернуть руку платком, расщеплять стебель растения и по одному разрывать его волокна. Придорожный репей дорого продавал свою жизнь. Он-то и напомнил автору старую кавказскую историю о простом человеке прекрасной, большой души.

Трагична судьба Хаджи Мурата. С Шамилем его дорога навсегда разошлась, с русскими властями ему также не по пути. Он гибнет, но гибнет в бою. Сцена последнего ратного подвига, когда герой и мертвый продолжает устрашать врагов,— апофеоз несломимого мужества, красоты и величия человеческого духа.

В 1903 году написан рассказ «После бала». В основу его положен эпизод, случившийся в молодости с братом Толстого. Однако произведение написано и воспринимается не как повествование о давно минувшем, а обличает жестокость и бессердечие, с особым рвением насаждаемое властью в годы царствования последних Романовых.

В девятисотых годах Толстой создает целую серию публицистических статей, в которых перед всем миром раскрывает враждебность народу прогнившего самодер-

жавия. В 1908 году, когда реакция виселицами и расстрелами спешила закрепить победу над революционным народом, он написал статью «Не могу молчать». Это было воззвание к человечности. Великий писатель открыто обличал правителей в том, что они для удержания власти заливают страну человеческой кровью.

С течением времени в творчестве Толстого все чаще и настойчивее стала звучать тема ухода. Великий писатель не раз порывал с Ясной Поляной в мыслях своих. Многие герои его произведений, наиболее близкие автору по духу, не видели смысла продолжать обеспеченную, сытую, лишенную высшего смысла жизнь и в мечтах своих порывали с ней. В его творчестве последней поры эти мечты реализуются в действие. Уходит в монастырь князь Касаткий («Отец Сергей»), добровольно уходит от семьи и среды, в которой «стыдно» жить, Федя Протасов («Живой труп»). Толстого привлекает легенда о тайном бегстве из дворца императора Александра II, будто бы пожелавшего остаток жизни прожить в труде и безвестности. На эту тему Толстой пишет «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

Тяжелое положение великого писателя в семье в последние годы его жизни стало особенно нетерпимым. Друг и единомышленник Толстого Чертков настоял на завещании, в котором он был объявлен душеприказчиком Льва Николаевича. Софья Андреевна не могла спокойно наблюдать, как чужие люди оттирали ее от мужа. Она нервничала, плакала, устраивала сцены. В борьбу двух враждующих лагерей вовлекались дети Толстых. Великого писателя все более одолевает желание уйти из этой оштылевшей ему жизни, найти на старости лет где-то такое место, где никто не мешал бы ему провести последние годы в соответствии с его взглядами.

В глухую осеннюю ночь 1910 года Толстой навсегда покинул Ясную Поляну. Он ушел тайно, не имея твердого плана, куда направить свои стопы. В дороге простудился и нашел последний приют в квартире начальника железнодорожной станции Астапово. 20 ноября он умер.

Уход Толстого из Ясной Поляны не прихоть и не каприз. Он не был вызван внезапным решением, а подготовлялся издавна и явился естественным следствием противоречивости его мировоззрения. Леонид Леонов сказал об этом так: «Уход Толстого выглядит как за-

поздалое освобождение, когда, порвав истончившиеся путы, он осуществил старинное намерение раствориться в своей бесхитростной России и, тем самым, в рядовую былинку запрятать свою непомерно-огромную, ему самому непосильную личность».

При жизни Толстого были люди, называвшие себя его последователями и превратившие в догму многие слабые стороны учения великого человека. Горький, не раз наблюдавший толстовцев рядом с самим Толстым, писал о них так: «Странно было видеть Л. Н. среди „толстовцев“; стоит величественная колокольня, и колокол ее неустанно гудит на весь мир, а вокруг бегают маленькие, осторожные собачки, визжат под колокол и недоверчиво косятся друг на друга — кто лучше под-
выл».

Для подлинных почитателей Толстого характерно иное отношение к его идеям. Творчество гениального писателя — это прежде всего призыв к человечности. Всю жизнь, не зная отдыха, ходил великий сеятель по засоренной, вспаханной войнами, потом и кровью политой земле. Истреблял сорняки и щедрыми пригоршнями бросал полновесные зерна в души человеческие. Это были семена добра, правды, дружбы и мира на земле.

150-летнюю годовщину со дня рождения Л. Н. Толстого мы встречаем в процессе развернутого строительства коммунистического общества. Произведения великого писателя издаются массовыми тиражами на языках всех народов Советского Союза. Советские читатели видят в Толстом не только великого писателя минувшей эпохи, но и выразителя своих устремлений, союзника в воспитании коммунистической нравственности, соратника в борьбе с насилием и злом.

Когда-то Достоевский видел величайшее достоинство Пушкина в его способности выражать миротворческую душу русского народа, умение проникаться духовной жизнью любого народа и тем споспешествовать установлению грядущего всемирного человеческого братства. Мысль Достоевского о Пушкине можно полностью отнести к Толстому, непримиримому противнику насилия и жестокости, поборнику равноправия как в решении международных споров, так и в отношениях между отдельными людьми.

Содержание

Становление личности и формирование
художественного дарования

4

«Война и мир»

18

«Анна Каренина»

32

Восьмидесятые годы

45

«Воскресение»

51

Уход Толстого

60

Виктор Александрович МАЛКИН
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
(150 лет со дня рождения)

Зав. редакцией *М. Б. Новиков*
Редактор *Н. М. Краснопольская*
Мл. редактор *Л. Ю. Михайлова*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Л. А. Кирякова*
Корректор *В. И. Ширяева*

ИБ № 2108

А04282. Индекс заказа 87008. Сдано в набор 19.05.78 г. Подписано к печати 14.07.78 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,41. Тираж 131 760 экз. Издательство «Знание», 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 651.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. им. Володарского,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57,
Цена 11 коп.

11 коп.

Индекс 70069

